

ЛУЧШАЯ НОВАЯ КНИЖКА

КРИСТИНЕ
НЕСТЛИНГЕР

Само собой
и вообще

Annotation

САМО СОБОЙ, ни Карли, ни Ани, ни тем более Шустрику вовсе не хочется «разводиться» с папой! Только этих троих ни о чем не спросили. Детей **ВООБЩЕ** редко спрашивают. А зря!

Пятнадцатилетняя Карли, тринадцатилетний Ани и даже малыш Шустрик понимают гораздо больше, чем может показаться взрослым, по-своему оценивают воцарившийся в их жизни хаос и пытаются разобраться с родительскими и собственными проблемами.

Кристине Нёстлингер, известнейшая австрийская писательница, лауреат премий А. Линдгрэн и Х. К. Андерсена, позволила детям высказаться. И из истории развода получилась очень смешная и жизнерадостная книжка.

* * *

Кристине Нестлингер

Само собой и вообще

Семейный роман, где есть о чем поразмыслить и над чем посмеяться

Рыба по имени Вильма Рассказывает Ани

Меня зовут Анатолий Поппельбауэр. В нашей семье меня называют Ани, и этим я обязан своей старшей сестре. Но она, собственно, тут ни при чем. За то, что дома мне приходится откликаться на это очень по-женски звучащее имя, в ответе наши родители, точнее, «солнечное» чувство юмора, каким они обладали в более ранние времена.

Произошло это так: когда папа с мамой ожидали первого ребенка, они были совершенно уверены, что у них будет мальчик, и решили назвать его Карли. В честь моего покойного дедушки по отцовской линии, а еще потому, что они считали, что красивые старинные немецкие имена не должны исчезать. Но потом сын оказался дочкой, и моя Бабушка (она с самого начала хотела внучку и просто вообще терпеть не может имя Карли) станцевала в больнице,

у кровати моей мамы, ликующую самбу и воскликнула: «Слава богу, это никакой не Карли! Небеса услышали мои молитвы!»

Но моей маме всегда нужно возражать Бабушке, своей матери. И она сказала: «А вот и нет! Все равно это будет Карли! Мы назовем ее Каролина!»

Так у моих родителей появилась дочь по имени Карли. Спустя три года родился я, и они – для справедливого равновесия – стали искать имя, которое можно сократить до девчачьего. И чуть не окрестили меня Амброзиусом. Тогда сейчас меня звали бы Розы. Если так посмотреть, мне еще нужно спасибо сказать за дурацкого Ани.

Я, само собой, вообще считаю, что младенцам лучше давать только временное имя, чтобы позднее человек мог сам выбрать себе окончательное. Но это, конечно, нереально, потому что детям и в других случаях ничего не разрешается выбирать, они приходят в этот мир – там или сям – и должны быть довольны всем, что получили: папой-мамой, местом жительства и семейным доходом, а также братьями и сестрами и мировоззрением родителей. У детей ведь нет лобби, которое стоит за ними, представляя и проталкивая их интересы. Это видно уже по тому, что родители, которые не хотят ребенка, могут отдать его на усыновление. А если ребенок не хочет иметь тех родителей, какие у него есть, он не может отдать их на усыновление и поискать себе других!

Звучит сердито? Так я действительно сердит! В данный момент ужасно сердит! Я – мальчишка довольно скромный, не требующий особого ухода, и ни одной живой душе в нашей семье не действую на нервы. От домашней жизни мне требуется всего-навсего мир и покой и хотя бы наполовину гармоничные отношения в семье. Такие, когда не нужно изо дня в день задавать себе вопрос: снова ли предки в ссоре? Или она переносится на завтра?

Вот и сегодня тоже! Сегодня мои дражайшие родители опять не желают друг с другом разговаривать. Даже в визуальный контакт вступать не хотят. Но, несмотря на это, им все же нужно передавать друг другу определенную информацию, и в качестве посредников они используют своих отпрысков. Офонареть можно! До чего же противно! А Шустрик, мой младший брат, с готовностью участвует в этой игре. Мчится к маме и спрашивает, где папины синие брюки. Мчится к папе и говорит, что синие брюки в химчистке. Бежит обратно к маме и спрашивает, где найти пару носков, подходящих друг к другу. Опять мчится к папе и говорит, что маме нужна «денежка». Мчится с «двумя денежками» к маме... да еще и мнит себя при этом ужасно важным!

Вероятно, от такого клопа и нельзя ожидать ничего другого. Карли считает, что Шустрик наверняка воспринимает домашние ссоры совершенно нормально, потому что ничего другого он просто не знает. Когда он появился на свет, в отношениях наших родителей уже начался долговременный кризис. Бабушка сказала мне однажды, что Шустрик – результат интенсивных попыток мамы и папы примириться друг с другом.

Хотя, может быть, я и вправду преувеличиваю, – и то, что вытворяют мои родители, совершенно нормально. Я ведь наблюдаю все это только потому, что живу вместе с ними и понятия не имею, как бывает у других и где тот предел, до которого висящую в воздухе напряженность, ругань и ледяную атмосферу в доме можно считать «еще нормальным» положением дел. Может быть, я слишком впечатлителен. Так, во всяком случае, утверждает моя сестра. «Не стоит все время преувеличивать, – говорит она, когда я ей жалуясь. – Папа и мама не такие уж плохие. У других родителей тоже есть свои недостатки, и выносить их гораздо трудней!»

Наша Карли, видите ли, круглые сутки носит розовые очки. Она толстокожая, как слон, и до поросычьего визга всем довольна – до тех пор, пока ее не тыкают носом в ее препаршивые школьные отметки и вовремя выдают карманные деньги, пока у нее на лбу не вскакивают прыщи, а ее пламенная страсть

Вуци послушно следует за ней и сносит все ее капризы. Почему Вуци так себя ведет, для меня просто вообще загадка. Он ведь умный, здравомыслящий человек и заслуживает чего-то гораздо лучшего, чем моя сестра, с которой нельзя поговорить ни о чем по-настоящему важном. И не такая уж она красавица, чтобы при одном взгляде на нее забыть о ее недостатках.

Но именно теперь мне срочно нужен кто-нибудь, с кем можно серьезно посоветоваться. Потому что я кое-что знаю, но не знаю, знает ли об этом мама.

А если она этого не знает, я опять-таки не знаю, стоит ли ей знать.

То, что я знаю, выяснилось чисто случайно, по несчастливому стечению обстоятельств. Это было три недели назад во вторник, под вечер. Я был в центре города, в букинистическом отделе большого книжного магазина, и мне ужасно хотелось купить двухтомник Рэя Брэдбери. Но в кармане у меня даже завалящего геллера не было, потому что до того, в другом книжном, я уже купил несколько-pocketбуков. Все мои карманные деньги уходят на книги, но даже будь у меня в три раза больше денег, это бы ничего не дало. Столько карманных денег, чтоб хватило на все нужные мне книги, просто не бывает!

Продавец в магазине, вредный старикашка, отказался отложить мне Брэдбери до завтра без задатка. Он из той породы людей, которые считают, что у детей память короткая и на завтра они уже не вспомнят, чего хотели сегодня! Тогда я решил взять денег у папы, благо фирма, где он работает, совсем недалеко от этого книжного магазина. Папа всегда дает мне деньги на книги, а в том, что он еще на работе, я не сомневался. Мой отец всегда старается произвести впечатление рабочей лошадки, у которой в жизни нет никаких других радостей, кроме как вкалывать сверхурочно, испытывать стресс и карабкаться вверх по карьерной лестнице.

И вот я галопом подбегаю к папиной работе и вдруг вижу: кто это там выныривает из дверей?

Папа! Он целеустремленно идет к машине, причем – не к своей. Около машины, прислонясь к ней, стоит некая дама. Папа целует ее в левую щеку и в правую щеку, потом он и дама запрыгивают в машину и усвистывают. А дама-то, оказывается, мне знакома. Ее зовут Вильма Хольцингер. Три года назад она была подругой одного папиного коллеги. Он пару раз приводил эту Вильму к нам домой на обед. А однажды я видел ее у папиного шефа на летнем празднике, куда пригласили и нас. Но там она уже была подругой кого-то другого. Кажется, такого лысоватого дяденьки, про которого мама сказала, что он «прекрасной души человек».

Наверное, то, что я сделал потом, на самом деле не очень благородно. Но я всегда хочу все знать точно! Поэтому каждый день, примерно в пять вечера, я занимал пост на углу около папиного офиса и выяснил вот что: в понедельник, среду и пятницу уважаемый магистр Поппельбауэр действительно работает сверхурочно, однако во вторник и четверг уходит с работы сразу по окончании рабочего дня, чтобы встретиться с Вильмой Хольцингер, которая увозит его на своем авто. Надо думать, около полуночи она снова привозит его к офису, и папа едет домой уже на собственной машине, которую всегда паркует неподалеку.

С тех пор как я все это знаю, у меня возникло подозрение, что в выходные мой отец на самом-то деле вовсе не расслабляется на рыбалке в обществе своих коллег, а встречается с этой Вильмой для отдыха несколько иного

рода. Никаких доказательств меня, конечно, нет. Но косвенные улики есть! Во-первых, папа никогда не приносит домой пойманной рыбы. Он говорит, что «не клевало» или что отдал свой улов приятелю, потому что для нас пятерых рыба была слишком мала, да и вообще рыбу мы не любим. Во-вторых, он не берет с собой наживку, а если его спрашивают, почему у него ничего такого нет, он говорит, что наживкой его обеспечивает коллега Гюнтер, у которого есть хорошие источники. И в-третьих, его резиновые сапоги по возвращении с рыбалки совершенно не грязные! Зная моего отца, абсолютно невозможно предположить, что он приводит в порядок свои грязные мокрые сапоги, прежде чем положить их в багажник. Мой папаша никогда и ничего сам не приводит в порядок. Он ни разу в жизни даже ванну не ополоснул после того, как искупался в ней. Мокрое полотенце он просто бросает на пол. А его вонючие носки всегда так и валяются там, где он их снял. Один можно найти, например, в туалете, другой – в гостиной возле дивана. Ну а если он положит грязную чашку в посудомойку, то чувствует себя настоящим героем и ждет, когда же ему наконец вручат орден.

Косвенные улики, которые я собрал, должны бы, конечно, броситься в глаза и маме. Но подтверждений этому у меня опять-таки нет. Либо маменька поражена полной слепотой, либо она железно держит эмоции под контролем.

В субботу, когда папа снова отправился на рыбалку, Шустрик стал спрашивать у меня: «А какую рыбу папа ловит? Большую или маленькую? Толстую или тонкую?» И тогда я на него окрысился: «Вильму-рыбу, милый братец!»

Шустрик захныкал, что такой рыбы не бывает и что я опять над ним издеваюсь. И побежал к маме за подтверждением. А мама – я внимательно наблюдал за ней – сказала совершенно спокойно, что ей тоже неизвестен вид рыб под названием Вильма. Даже бровью не повела!

Я просто представить себе не могу, чтобы мама так спокойно приняла тот факт, что ее старший сын знает о шашнях своего отца. Она не такая! В этом-то и заключается моя проблема! Я совершенно не хочу, чтобы мама когда-нибудь меня упрекнула: мол, если бы я знала, я бы сделала то-то или то-то, я могла бы что-нибудь предпринять и справиться с ситуацией! Но я ничего не подозревала, никто не открыл мне глаза, и поэтому мой брак разрушился!

С Вуци я, к сожалению, обсудить все это не могу, хотя обычно он первоклассный советчик в сложных ситуациях. Но у него никогда не было отца, он внебрачный ребенок и в таких вещах не разбирается. С Бабушкой, которая вообще-то довольно мудрая, разговора тоже не получится, ведь она всегда терпеть не могла папу. Из одной только неприязни к нему она сию же минуту расскажет все маме, не подумав, разумно ли это. А Бабка, папина мать, та, само собой, просто вообще ни для чего такого не годится! Она до того чопорная и церемонная, что сразу грохнется в обморок, если выяснится, что ее внук в курсе, что у отца есть любовница. Мой дед, Бабкин муж, целых двадцать лет ходил налево, а она и знать ничего не знала. Во всяком случае, папа так однажды рассказывал. Значит, поговорить я могу только с Карли! Хочет она этого или нет, а я просто обязан снять с ее носа розовые очки!

* * *

Того, кто носит розовые очки, не убеждают ни аргументы, ни наглядные доказательства. Если обладатель розовых очков не хочет чего-то знать, он это просто игнорирует!

Когда я сообщил Карли о Рыбе Вильме, она сначала объявила меня «ненормальным выдумщиком» и ужасно возмутилась, что я вообще мог заниматься таким мерзким и отвратительным делом, как «шпионаж». Но я не сдавался, и Карли в конце концов заявила, что во вторник займет вместе со мной пост возле папиной работы. Но только затем, чтобы доказать мне, до чего смешны и абсурдны мои подозрения! Потом все было так, как я и предсказывал: машина, Вильма, поцелуи. Карли обомлела только на мгновение, а потом перевела дух, снова пришла в себя и по дороге домой стала объяснять мне, что есть тысяча и одна безобидная причина, чтобы папа регулярно встречался с Рыбой Вильмой и что не следует сразу же думать о «романе». Ведь среди знакомых поцелуи – дело самое обычное! И даже если предположить, что это любовь, все равно не стоит очень уж беспокоиться: эта Вильма ничуть не красивее нашей мамы, а время от времени каждый супруг позволяет себе маленькие шуры-муры. Так что самое умное – забыть обо всем, а самое идиотское – рассказать об этом маме!

То, что маме ничего рассказывать не нужно, мне и самому в последнее время стало ясно. Сейчас у нашей маменьки забот и так выше крыши. Она осталась без компаньонки. Эту компаньонку, которая вместе с мамой владеет вязальным магазином, зовут Тереза-Шарлотта, и она совершеннейшая недотепа.

Три года назад они с мамой сняли пустой запущенный магазин, отремонтировали его и битком набили шерстью, потому что вязание якобы снова «входит в моду», а вязальный магазин – это настоящий «хит». Но, во-первых, вскоре после этого за углом распахнул свои двери другой вязальный магазин, куда больше и красивее. А во-вторых, Шарлотта подписала с домовладельцем совершенно идиотский договор о найме, и вскоре тот жутко взвинтил арендную плату, причем, по словам нашего адвоката, с полным на это правом. Так или иначе, магазин не стал «золотым прииском», о котором мечтали мама и ее компаньонка. Папа даже утверждает, что вязальный магазин – это дыра в семейном бюджете, прибыли он не приносит, а только сам требует денег. К тому же мамина компаньонка очень ненадежна. Уговор был такой: до обеда в магазине работает мама, а после – Тереза-Шарлотта. Но и тут дело не заладилось. У Шарлотты всегда находятся неотложные дела, которые не позволяют ей во второй половине дня продавать шерсть и объяснять покупательницам, как вязать какой-нибудь узор. А теперь она вообще улетела на месяц в США, и маме приходится работать и после обеда. До шести вечера. В результате она даже не успевает купить чего-нибудь на ужин.

В крайнем случае, за покупками могли бы ходить Карли и я. Но требовать от нас каждый божий день присматривать после обеда за Шустриком – это уже чересчур. Мальчишка пропускает мимо ушей все, что мы с Карли ему говорим. Вдобавок он надоедлив, как целая армия вшей! С ним все время надо играть. Он даже телевизор не хочет смотреть один, кто-нибудь непременно должен сидеть рядом и держать его за ручку. А вечером, когда домой приходит мама, он жалуется ей, что мы уделяли ему недостаточно внимания! На Бабкино присутствие Шустрик тоже не соглашается. Но это можно понять. Бабка считает своих трех внуков «совершенно невоспитанными», и когда она «принимает послеобеденную вахту» по присмотру за Шустриком, ей ужасно хочется нагнуть все упущения в его воспитании, причем с космической скоростью. Как нужно есть, как нужно сморкаться, как сидеть на стуле правильно, не разваливаясь на нем, как говорить со взрослыми и поддерживать порядок, как делать домашние задания – все это Бабка хочет преподать за один интенсивный курс.

Однажды она до того обнаглела, что указала на дверь моему школьному приятелю только потому, что он, разлив какао, выругался: «Тьфу, черт, какой я идиот!» Бабка объявила, что я не должен с ним общаться. Еще она вечно талдычит маме, что нельзя позволять Карли и Вуци сидеть вместе – без родительского присмотра – в одной комнате. Это, мол, неприлично! Бабка все в жизни делит на «прилично» и «неприлично». Но разумно объяснить, почему то прилично, а это – нет, она не может. Когда ее спрашиваешь об этом, она скорбно опускает уголки рта и обиженно говорит: «Перестань дерзить!»

В общем, по-настоящему поладить с Шустриком может только Бабушка. Но она живет очень далеко, на другом конце города. Чтобы добраться до нас, ей нужно целую вечность ехать на трамвае. И со здоровьем у нее не очень. Нельзя требовать от нее ежедневно совершать такие долгие поездки. Потому что моего младшего брата, бедного поросенка, в последнее время перекидывают туда-сюда, как почтовую посылку. Он то с Бабушкой, то с Бабкой, то в вязальном магазине, то с Карли или со мной. Вряд ли такая жизнь доставляет Шустрику удовольствие.

Вот и получается, что я ужасный лицемер: с одной стороны, жалею Шустрика, а с другой стороны, отнюдь не готов тратить на него свое время и силы. Все дело в том, что любовь к брату у меня скорее теоретическая, чем практическая. Пока я не вижу его и не слышу, я чувствую к нему очень даже сильную привязанность. А вот когда он начинает приставать ко мне, очень хочется послать его куда подальше, ведь руки просто чешутся его укокошить.

А кстати, насчет укокошить! Есть тут еще один экземпляр, с которым я бы с удовольствием разделался. Это наш математик. Типичный образчик учителя, который превосходно вписался в существующую школьную систему. Обожает напыщенно и патетически разглагольствовать о товариществе, взаимопомощи и взаимовыручке, но если мы как раз этим и руководствуемся, то он выходит из себя и начинает злиться. Ну скажите пожалуйста, какая товарищеская взаимопомощь нужна человеку, у которого по математике очень твердый «неуд»? Ясное дело, листок с решениями, откуда можно все списать! Вот то-то и оно! Из этих соображений я на последней контрольной немножко помог Паули, моему соседу по парте, который в математике полный ноль. Я решил все примеры его варианта на промокашке и пододвинул ему. И что делает этот идиот? Довольный, списывает все четыре примера, радостно хрюкает, захлопывает тетрадь, сдает ее и не замечает, что промокашка-то с решением осталась внутри! До него и потом не дошло, что же он натворил. Я и сам думал, что все в порядке, – до самой раздачи проверенных работ. А математик, когда пришел с пачкой тетрадей, выглядел как-то странно. Вытянул тетрадь Паули из стопки, а из тетради – исписанную промокашку, возбужденно помахал ею и спросил меня, что я могу сказать по этому поводу.

Ну и что же мне нужно было сказать? Может, что-то вроде: «Пожалуйста, простите меня, я больше никогда не буду так делать?» Или еще какую-нибудь покорно-льстивую глупость? Лучше всего было бы держать язык за зубами, но математик, как всегда, так и напрашивался, чтоб над ним посмеялись. Поэтому я с невинным видом ответил: «Что поделаешь, не повезло!»

После чего препод еще больше разозлился, а я сказал: «Конечно, не повезло, Паули ведь просто от волнения забыл в тетради шпаргалку! Он же не нарочно это сделал».

Математик прошипел, что он меня предупреждает. Я спросил, о чем же он меня предупреждает. А он рявкнул, что напрасно я воображаю, будто могу позволять себе что угодно потому только, что у меня превосходные отметки. Я сказал, чтобы он на меня не орал, потому что я этого терпеть не могу. Тогда он разорался пуще прежнего. Кричал что-то насчет наглости. И что с него хватит. Тут я решил, что с меня тоже хватит, подхватил под мышку

портфель и вышел из класса, а потом и из школы, хотя у меня было еще три урока.

По-моему, время от времени надо так или иначе указывать учителям на границы их власти!

Ясное дело, до следующего утра математик успел передохнуть и приготовиться к контрудару. Теперь он намерен продемонстрировать мне границы моей власти. Он нажаловался нашему классному руководителю Бимсу, и тот не только требует принести записку от моего отца с объяснением, почему я пропустил три урока, но и настаивает, чтобы отец сам пришел к нему в приемные часы.

Но я не собираюсь заставлять папу идти в школу. Не то чтобы я боялся рассказать ему обо всем... Папу мало беспокоят жалобы учителей. Просто мне хочется устроить розыгрыш. Очень я люблю всякие такие штуки!

Классный руководитель получит замечательное письмо. На папиной почтовой бумаге. И с папиной подписью! Я уже придумал, что напишу в письме. Оно будет звучать так [1]:

Обидно только, что в машинописи я полный профан. Чтобы розыгрыш удался, мне ведь нужно не только это письмо, но и несколько других напечатанных на машинке бумажек. Но я не способен напечатать без ошибок даже одну-единственную строчку. К тому же у нашей машинки нет клавиши коррекции. А мне необходимы безупречные письма, иначе Бимс никогда не поверит, что они от магистра Поппельбауэра.

Но я придумал: все бумажки мне напечатает Карли. Она умеет это делать почти идеально.

* * *

Так! Теперь у меня есть все необходимое: письмо Бимсу, один листок, где родители подтверждают, что мне можно сделать прививку от полиомиелита, листок, где сообщается про родительское собрание, и еще один – про повышение цены на школьное молоко. Вдобавок я заключил пари. Пospорил с Карли на пятьдесят шиллингов, что папа подпишет мне письмо для Бимса.

– В жизни он этого не сделает, – уверяла меня Карли. Потому что я не сказал ей про свой план! Папа подпишет, причем сегодня же вечером. Ведь сегодня четверг, день Рыбы Вильмы. И папа гарантированно вернется домой только около полуночи, усталый от сверхурочных работ. Я подкараулю его в прихожей и подсуну все свои бумажки. Сверху – про школьное молоко, потом про родительское собрание и прививку и под конец – письмо для Бимса. Скажу ему, что это – сплошь дурацкая школьная бюрократия и я прошу его подписать все это в полночь только потому, что с утра я всегда ужасно сонный и наверняка обо всем забуду. И папа, у которого совесть нечиста, быстренько все подпишет, не читая подробно, в этом я вполне уверен. А если он все-таки начнет читать внимательно, мне что-нибудь придет в голову, прежде чем он доберется до последнего листа. В самом худшем случае он прочтет письмо Бимсу и спросит, не спятил ли я. А больше ничего произойти и не может.

* * *

Так и вышло. С письмом Бимсу никаких проблем не было. Правда, ждать пришлось далеко за полночь, и когда папа наконец пришел, мне ужасно хотелось спать. Сначала он очень удивился, почему я не попросил подписать маму, обычно ведь она разбирается со всей бюрократией, но я сказал ему, что у мамы целый день болела голова и что она давно уже ушла в спальню, и я не хочу ей мешать. И добавил, что у мамы теперь всегда болит голова. И говорил укоризненным голосом. Думаю, папа понял, что это он виноват в маминой головной боли. Он так смутился, что даже не прочел как следует про школьное молоко. А про прививку только первое предложение. А потом очень быстро все подписал и пробормотал, что из-за бюрократии каждый день гибнет целый лес. Тут к нам присоединилась мама и пожелала папе доброго утра. Папа прошипел, что это преувеличение. И был прав, потому что без десяти час еще не время говорить «доброе утро». Я быстро ушел к себе в комнату, выбросил все бумажки, кроме письма Бимсу, в корзину для — бумаг и улегся в кровать. Но сразу заснуть не смог. Потому что папа и мама ссорились в гостиной.

Ссора была не слишком шумной, и дружеская беседа равной громкости, конечно, не помешала бы мне заснуть.

Я часто думаю о том, что, собственно, делать супружеской паре, у которой есть дети, когда с любовью уже совсем не ладится. Ума не приложу, как тут быть. Ладно, я говорю сам себе, если муж и жена друг друга больше не переносят, они имеют полное право расстаться! Не в Средневековье ведь мы живем! Но на самом деле я совершенно не согласен, чтобы папа и мама разводились! Они же разводятся не только друг с другом, но и с детьми.

Ни Карли, ни я, ни тем более Шустрик вовсе не хотим разводиться с папой! Но когда два человека, которые друг друга на дух не выносят и видеть не могут, продолжают жить вместе только из-за детей, это мне тоже не нравится. Наверное, всем людям, которые хотят пожениться, сначала лучше было бы проходить обязательный тест «на долговечность любви». И только в случае положительного результата им разрешалось бы заводить детей.

Только надо хорошенько обдумать, каким должен быть такой тест! Недавно, когда у нас была Бабка, я слышал, как она говорила в саду соседке: «Все горе оттого, что теперь у женщин есть профессия, они зарабатывают деньги и думают, что смогут прожить одни. А в наше время нам приходилось смиряться!»

— Что бы мы делали без кормильца?»

Во всяком случае, долговременная любовь, о которой я говорю, так выглядеть не должна.

По-моему, для долговременной любви нужно быть по-настоящему хорошим человеком, и если ты именно такой человек, то сможешь любить всякого, со всеми его странностями. Но для этого нужно немало доброты, терпимости и понимания, а у моих папы и мамы эти качества в дефиците.

И, честно говоря, не мне требовать этого от других, ведь сам я по части доброты, терпимости и понимания абсолютный нуль. И отнюдь не уверен, что по мере взросления буду развиваться в этом плане положительно...

Взгляд доктора Бимса, когда он читал «письмо моего отца», стоил всех затраченных трудов и времени! Он уставился на листок бумаги, словно тот предвещал гибель мира в самые ближайшие часы. Добрых десять минут этак

смотрел, потом сложил письмо и сунул в карман пиджака. И весь урок немецкого был совершенно рассеян. Даже забыл дать нам домашнее задание. Одноклассники мои, конечно, смекнули, что это из-за письма, и стали допытываться, что же там написано. Я не сказал, и теперь они опять считают меня «надутым индюком». А я вовсе не такой! Просто не хочу, чтобы меня считали «клевым парнем, который на все способен». Слишком это похоже на хвастовство. Конечно, если нужно решиться на что-то рискованное, то мне это сделать действительно гораздо легче, чем большинству других. Во-первых, с тем, кто учится так же хорошо, как я, и не боится никаких страшных экзаменов, само собой, просто вообще мало что может произойти. А во-вторых, от моих родителей не последует никаких штрафных санкций. В этом отношении мама с папой действительно суперкласс. Меня еще ни разу в жизни не били, не лишали карманных денег и не сажали под домашний арест. Разве что мама немного поворчит или папа притворится, что больше меня «не любит» и некоторое время будет меня игнорировать.

У большинства ребят из моего класса дела обстоят гораздо хуже. Паули, например, получает затрещины, даже если схватил всего один «неуд». Однажды, выходя из школы, мы увидели мамашу Паули, которая ждала его у школьных ворот. Она набросилась на него и стала бить, будто он огнедышащий дракон, а она – храбрый рыцарь. Паули совершенно сопротивлялся, только прикрывал руками лицо, чтобы мать-фурия не сломала ему переносицу. Эта ненормальная прекратила расправу, только когда из школы вышел учитель и потребовал, чтобы она прекратила воспитывать сына таким способом. Но до того мимо прошло очень много взрослых, и никто не вмешался. А ведь теперь в Австрии есть закон, который запрещает родителям бить детей. И тут опять-таки есть очень характерный нюанс! К ответственности привлекают только тех родителей, которые наносят своим детям тяжелые травмы. Пощечины запрещены, но за них не наказывают!

А есть ли, собственно говоря, еще какое-нибудь запрещенное законом действие, за которое преступника не ожидает никакого наказания? Насколько я знаю, нет! В газете я прочел, что с родителями, бьющими своих детей, благоразумнее проводить беседы и с помощью психологов и социальных работников наставлять их на правильный воспитательный путь. О'кей, звучит отлично! Но почему никому из составителей законов не приходит в голову предлагать такое, если кто-то ворует, или водит машину в пьяном виде, или делает еще что-то незаконное? Почему его сразу же наказывают?

Мама часто говорит, что я слишком много думаю. На самом деле я наверняка думаю слишком мало, иначе бы уже разобрался, почему существует такая несправедливость и почему ее до сих пор не устранили. И я просто вообще не понимаю, почему большинство детей, которых я знаю, не бунтуют против этой несправедливости. Паули, например, безропотно принимает побои. Он даже делает различие между «заслуженными» и «незаслуженными» затрещинами. А когда я говорю ему, что побои никто не может «заслужить» и что ему не мешало бы расстаться со своим проклятым рабским менталитетом, он смотрит на меня так, будто я с луны свалился. Но мне-то легко говорить. Я даже в кошмарном сне не могу себе представить, что случилось бы с Паули, если бы он передал Бимсу подобное письмо от своего отца, а потом надворный советник Шайберль, наш директор, позвонил бы отцу Паули в офис и спросил, как же следует все это понимать.

Мой папа отреагировал потрясающе хладнокровно. И умно! Сперва, когда его секретарша сказала, что звонит надворный советник Шайберль, он страшно испугался. Решил, что с Карли или со мной случилось что-то ужасное. Под машину попали! Или упали в спортзале с колец и получили травму черепа! Поэтому он испытал огромное облегчение, узнав, что речь идет всего-навсего о письме. И что мы целы и невредимы! Папа сразу сообразил, что письмо наверняка написал я.

Но директору он ничего не сказал, только дал понять, что при написании письма был «в каком-то странном настроении». Папа не знал, о чем написано в письме, и поэтому не стал пускаться в длинные дебаты, отговорившись тем, что ему, к сожалению, нужно срочно идти на заседание правления. Директор не стал задерживать папу, а попросил его прийти в школу для отдельного разговора.

Но папа и не думает идти к директору. Он таких вещей, само собой, не любит. Просто вообще! Он ни разу не бывал на родительском собрании. Туда всегда ходит мама. Однако на сей раз маме в школе делать нечего. Ведь это не ее энергичная подпись гордо стоит под злополучным письмом.

Папа отговаривается тем, что если он пойдет к директору, то стопроцентно обнаружится, что письмо написано не им. Для моей же, так сказать, пользы он должен держаться от школы подальше. Чушь, конечно! С моим письмом все о'кей! Любой здравомыслящий отец мог бы его написать! Но мне все равно, пойдет папа в школу или нет. Только маму это очень напрягает. Из-за этого за завтраком разразилась дежурная ссора. Кончилось тем, что папа обозвал маму коровой.

А после Карли сказала мне: «Это ты виноват, что они поссорились!»

Я ответил: «Само собой, я просто вообще не виноват! Кто хочет поссориться, всегда найдет какой-нибудь повод! Если не из-за меня, так поругались бы из-за чего-нибудь другого!»

Но Карли это, конечно, не убедило. Она так и продолжает носить розовые очки и считает, что у папы и мамы нормальный брак, а немножко споров и ссор, само собой, просто вообще неотъемлемая часть всякой супружеской жизни.

Надо бы, в конце концов, отучиться от этих дурацких «само собой» и «просто вообще». Это совершенно бессмысленные слова. Но с другой стороны, все в нашей семье непрерывно их повторяют. Так мы хоть в чем-то похожи друг на друга. Уж лучше такая общность, чем совсем никакой!

* * *

Мама решила пойти в школу и поговорить с Бимсом. Затея совершенно дурацкая, но отговорить маму невозможно. А ведь из-за этого ей придется раньше положенного закрыть вязальный магазин. Или нанять кого-нибудь на это время. На поездку туда и обратно и на разговоры наверняка уйдет минимум три часа. А продавщице-помощнице мама платит сто шиллингов в час. Если бы я предвидел, что маленький розыгрыш с письмом в конце концов приведет к потере целых трехсот шиллингов, я не стал бы его затевать!

* * *

Утихни, боль! Этот день я долго не забуду! На перемене после второго урока я, как неистовый Роланд, помчался к приемной. Хотел дождаться, когда мама выйдет оттуда, и узнать, как все прошло. Но сбегая вниз по лестнице, я увидел, что мама только-только входит к доктору Бимсу. Это меня не удивило: она вечно опаздывает. Сначала я хотел вернуться в класс, а потом подумал: речь, в конце концов, обо мне, а раз так, то мне тоже надо быть в приемной!

И я пошел туда. Бимс, конечно, хотел сразу же меня выставить. «Приемные часы – для родителей», – сказал он. Я мягко и миролюбиво объяснил ему, что будет лучше, если мы прямо сейчас обсудим все втроем. Действительно ведь лучше! А то он начнет жаловаться на меня моей матери, мама пойдет домой и передаст его жалобы мне, я объясню ей свою точку зрения... А потом она наверняка снова пойдет в школу и передаст все Бимсу... Сколько ж километров можно так впустую набегать!

Бимс соглашаться не желал. Но мама согласилась, после того как я бросил ей очень убедительный взгляд. Она сказала Бимсу, что мы, по крайней мере, можем попробовать. А поскольку Бимс не любит конфликтовать, он для порядка поворчал, что подобное предложение он даже обсуждать не будет и что такой разговор ни к чему не приведет, но вскоре сдался. С таким видом, будто его мучит ужасная изжога, Бимс сказал маме: «Ну, если вы не против, тогда пожалуйста!»

И ведь он оказался прав! Разговор втроем ни к чему не привел! Из-за мамы! До сих пор я никогда еще не слышал, как моя маменька разговаривает с учителями. И был в высшей степени поражен. Говорила она так подхалимски льстиво, будто у нее напрочь отсутствовало чувство собственного достоинства! Просто ковриком перед Бимсом стелилась, а в ее голосе слышалось сплошное лицемерие и угодливая покорность! Какой Бимс все-таки хороший преподаватель, лебезила мама. И сколько же у него терпения и понимания! И всем известно, что нашему классу невероятно повезло с ним как с классным руководителем! И что больше всего мама благодарна ему за то, что он пробудил во мне любовь к литературе, она мне очень пригодится в жизни!

Она умасливала Бимса как могла, а он только радостно облизывался! Если я пытался вернуть обсуждение к сути дела, то мама всякий раз тотчас прерывала меня и заверяла, что я имею в виду не то, что говорю, поскольку нахожусь в переходном возрасте, когда подростков на некоторое время привлекают грубоватые выражения и «революционные» взгляды и они отрицают любой авторитет, даже «положительный».

Поэтому я в конце концов решил помалкивать. А то начал бы спорить не с Бимсом, а с мамой, что в приемной было бы неуместно.

Через полчаса Бимс и мама сошлись на том, что Бимс – хороший преподаватель, мама – хорошая мама, я – хороший парень, а наша школьная система – за исключением мелких недостатков – наилучшая из возможных. Наконец Бимс с мамой пожали друг другу лапы, и Бимс воодушевленно продудел, что его учительскому сердцу «трудные» ученики ближе всех других и что бурной молодости необходимо только усвоить «правильную меру», но с этим дорогой Анатолий, принимая во внимание его выдающийся интеллект, скоро справится. Затем он потрепал меня по голове и поспешно ушел.

А мама тут же возгордилась успешным разговором с Бимсом! Возгордилась собственным подхалимством! Мне очень горько это признавать, но в принципе она такая же лживая и нечестная, как Бимс. Он проповедует отзывчивость и товарищество, но в нужный момент не разрешает ученикам проявить эти качества. Она всегда за честность и правдивость, а сама льстит и подлизывается, если это кажется ей необходимым!

Вуци считает, что и мы, став взрослыми, вряд ли будем другими. К этому выводу он пришел, прочитав дневник своей мамы. Очень старый дневник, который она вела еще девчонкой. Вуци говорит, что если бы его мать и сегодня сохранила те же мысли и взгляды, которых она – с массой орфографических ошибок – придерживалась в своем дневнике, то он бы ее на руках носил!

«Хуже всего, — сказал Вуци, — что мать просто рассмеялась, когда перечитала этот дневник. Если б она хоть заплакала! Может, тогда, по крайней мере поняла бы, что ее душа с годами стала жалкой и ничтожной!»

Жаль, моя мама не вела дневник, когда была подростком. Так что мне уже не удастся выяснить, потеряла ли она свои моральные устои или их у нее никогда и не было.

* * *

Карли, дрянь такая, отрицает, что спорила со мной из-за папиного письма! А уж на пятьдесят шиллингов — тем более. Ведь на деньги не спорят! И еще она утверждает, что по-настоящему я спора так и не выиграл. Потому что все вышло наружу. Как будто это имеет какое-то отношение к нашему пари! Мы спорили, подпишет ли папа письмо. И он подписал! Но сердиться бессмысленно. У Карли все равно нет денег. Она уже выпросила у мамы задаток из карманных денег на следующий месяц. У Карли все уходит на краски. Не на краски для рисования, а на краски для лица. В ванной, на ее полке в шкафу, я насчитал девять тюбиков губной помады, восемь коробочек теней для век и двенадцать карандашей для бровей.

Весь этот косметический хлам моей сестры стоит столько, что на эти деньги смогла бы прожить сотня детей в Африке. И на те деньги, которые я трачу на книги, конечно, тоже. Но я, по крайней мере, читаю свои книги и люблю их. А Карли, наоборот, только размалевывает себя, как клоун в цирке, а перед тем как выйти из дома, снова стирает раскраску с лица.

Недавно она объяснила мне, что ищет свой стиль. Что это значит, я точно не знаю. Думаю, на самом деле она хочет изменить этот свой «стиль». Когда Карли не накрашена, она выглядит просто серенькой мышкой. И конечно, очень хочет с этим бороться.

Лично я просто вообще не понимаю, зачем нужна вся эта раскраска. Мне, правда, никогда еще не приходилось целоваться с девушками, но если бы уж приспичило, то я поискал бы такую, у которой на лице нет никакой косметики. Наверняка это ужасно противно — пробовать на вкус красную жирную помаду! Но может быть, девушки стирают ее с губ перед поцелуем. В фильмах они этого не делают, но в фильмах многое не так, как в жизни. Например, там почти никто не ходит в туалет.

Где Шустрик?

Рассказывает Шустрик

Дело было так. В понедельник папа сказал мне: «Шустрик, в субботу с утра мы с тобой поедem в супермаркет!»

Он знает, что я очень люблю ездить в супермаркет. В среду я спросил его, купит ли он мне в субботу попкорн, и чупа-чупс, и жевательных змеек.

– Ну конечно, Шустрик, – сказал папа. – Мы набьем покупками две больших тележки! Положим туда все, что ты захочешь!

Утром в субботу я встал очень рано. Из-за супермаркета. Чтобы мы смогли поскорее поехать и чтобы на парковке еще были свободные места. Когда мы туда ездили последний раз, папе и маме пришлось тащить полные сумки через всю стоянку, и у двух сумок оторвались ручки. Папа ругался, что все эти вещи нам, само собой, просто вообще не нужны, а мама ругалась, что папа не должен ругаться, ведь именно он и пихал все в тележку, «как сумасшедший». И что она, само собой, просто вообще ненавидит супермаркеты!

Ани и Карли ушли в школу, а я уже был полностью готов. Хотя обычно люблю в субботу поспать подольше, потому что мне не надо идти в школу. В моей школе в субботу не учатся.

Я сказал маме, что можно ехать. Но мама захотела принять душ. А на ванне была грязь. Она осталась после того, как там мылся папа. Мама стала ждать, пока папа отчистит ванну. Продолжалось это очень долго. Потом папа пошел на кухню. Начал вынимать из посудомойки чистую посуду и порезал себе пальцы. Потому что в посудомойке были осколки стекла. От бокалов для вина, которые нельзя в нее ставить. Мама часто говорила об этом папе, но он с трудом запоминает такие вещи. Потом мама с папой начали ссориться. Потому что мама еще раз вымыла руками всю посуду, которую папа вынул из посудомойки. И объяснила, что на них могли остаться крохотные осколки стекла! Если они попадут в желудок, то будет язва. Папа не поверил и сказал, что у него язва будет от споров и ссор.

Я подумал, что, пока папа и мама ссорятся, я успею доделать рисунок, который нам задали в школе. Но у меня все время ломался красный карандаш, и я никак не мог его наточить. Тогда я пошел в комнату Карли. У нее много цветных карандашей в большой жестянке. Она стояла на самом верху на полке, а рядом с ней – открытая бутылка с тушью. Только мне эту бутылку не было видно. Чтобы достать жестянку с карандашами, пришлось подпрыгивать. Я задел бутылку с тушью, и она опрокинулась. Зеленая тушь вытекла и стала капать вниз. На книги, на тетрадки и на всякий хлам.

Тогда я по-быстрому вышел из комнаты. Моя сестра, само собой, вообще строго-настроено запретила мне заходить к ней в комнату, когда ее нет дома. Я надеялся, Карли поверит, будто тушь упала сама. И, само собой, она вообще-то сама виновата, потому что бутылки с тушью обязательно нужно закрывать!

Я пошел на кухню. Хотел сказать папе, что мне нужно купить в супермаркете еще и новые цветные карандаши. А папа вдруг заявил, что вовсе и не обещал поехать со мной в супермаркет. Он, видите ли, абсолютно ничего об этом не помнит! Да ему и не хочется туда ехать! У нас, само собой, вообще-то и так есть все, что нужно, но мы просто свихнулись на потреблении!

А мама сказала, чтобы я оставил их в покое и шел в свою комнату. И чтоб не надоедал, а доделывал рисунок!

«Нужно держать свои обещания», – сказал я им. А они даже не слушали. Ну уж такой подлости я им не прощу! По понедельникам в школе все другие дети всегда рассказывают, что они делали в субботу и в воскресенье вместе с родителями. Как занимались самыми прекрасными вещами. А я только и могу сказать, что папы не было дома, мама вязала, а мне было скучно!

Для меня ни у кого никогда нет времени, все так и норовят спихнуть меня друг другу. Никто не хочет за мной присматривать. Никто, кроме Бабушки. Она радуется, когда я приезжаю к ней. Или она ко мне. Поэтому я бы очень хотел, чтобы Бабушка жила с нами. Но она говорит, это невозможно. Потому что папа совершенно точно не захочет. И еще потому, что ей нравится жить

в собственной квартире и спать в собственной кровати. А приезжать к нам в середине дня и вечером снова ехать домой – с этим Бабушка не справится. Для нее это слишком долгий путь.

В ту субботу, когда папа и мама были такие супергадкие, у меня лопнуло терпение! Я решил переехать к Бабушке. Навсегда! Ничего, что до школы далеко, я справлюсь!

Но я решил дать маме и папе еще один шанс. Если кто-нибудь из них придет ко мне в комнату, прежде чем я уложу свои вещи, то я останусь.

Я достал из шкафа рюкзак, положил туда свои любимые комиксы, и плюшевого медвежонка, и еще плеер. Я собрал портфель и свободные места в нем заполнил деталями от «Лего». А мама и папа так и не пришли и не сказали: «Прости нас, пожалуйста, теперь мы все-таки едем в супермаркет».

Я закинул рюкзак за спину, через плечо повесил гитару, взял портфель в одну руку, а радиоуправляемую машину – в другую. В карман джинсов я сунул несколько жвачек. Потом вышел в прихожую и немного постоял там, но ссора на кухне не прекращалась. Я вышел из дома и с громким стуком захлопнул за собой дверь.

Пока шел до перекрестка, три раза оглянулся – не идет ли за мной мама или папа. Но никого не было, кроме фрау Майзенгайер и ее собаки Мопси. Фрау Майзенгайер засмеялась, увидев меня, и спросила, далеко ли я собрался. Я сказал, что далеко. Она снова засмеялась и потянула Мопси к уличному фонарю, потому что он писает только около фонарей. Потом я еще встретил фрау Примил и хотел спросить ее, на каких трамваях надо ехать к Бабушке и где нужно пересаживаться. Я ведь этого не знал. К Бабушке я всегда ездил с мамой или папой на машине. Но фрау Примил сказала мне только: «Привет, Шустрик», – и пошла дальше.

Поэтому я спросил совершенно незнакомую женщину на углу улицы, и она объяснила мне дорогу. Прямо напротив гимназии, сказала она, мне нужно сесть на трамвай, проехать четыре остановки, а потом выйти и пересесть на метро. Эта женщина, правда, еще поинтересовалась, куда это я собрался ехать один, да еще со всем моим добром в придачу. Но я быстро пошел дальше, а ей все это было не так уж важно, чтобы меня догонять.

Только я вышел на большую улицу напротив кондитерской, кто-то вдруг закричал: «Шустрик, Шустрик, Шустрик!», и ко мне через улицу перебежала Карли.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она. – И зачем ты столько всего тащишь?

Я сказал ей:

– Потому что я переезжаю! Навсегда! Я переезжаю к Бабушке!

Тут Карли схватила меня за лямку рюкзака и потащила через улицу к кондитерской. Там стояли Вуци и Розы. Карли рассказала им, что я совсем спятил и хочу уйти из дома. Розы глупо захихикала, а Вуци сказал:

– Давайте все спокойно обсудим!

Мы вошли в кондитерскую. Карли ничего не хотела для меня заказывать. Из экономии. Тогда Вуци занял у нее денег, чтобы угостить меня. И купил мне колу и тост. Вуци супер-здоровский, просто вообще! Он сказал, что я имею полное право переехать к Бабушке. И что Карли это совершенно не касается.

А Карли сказала, что ее это все-таки немножко касается. Потому что мама и папа рассердятся на нее, если узнают, что она встретила меня на улице и не привела домой. И эта дуреха Рози, конечно, поддержала свою подружку. Карли к тому же выставила меня полным идиотом.

— Сам он никогда не найдет дорогу к Бабушке, — сказала она Вуци.

— Ну, тогда мы его отвезем, — решил Вуци. Но Карли уперлась. Ведь тогда она будет еще больше виновата!

Я поклялся Карли, что не выдам ее и ни словечка не скажу о том, что мы встретились. И что я еще никогда не выдал ни одной тайны.

Дуреха Рози сказала Вуци, что малявку вроде меня нельзя воспринимать серьезно. Но Вуци сказал, что относится ко мне очень серьезно.

— Ужас просто, как вы с ним обращаетесь! — упрекнул он Карли и Рози.

Тогда Карли стала со мной поприветливее. Конечно, только ради Вуци. Я поклялся говорить всем, что доехал до бабушки совершенно самостоятельно. И высоко поднял пальцы, скрещенные для клятвы! А потом Вуци, Рози и Карли доехали со мной на трамвае до метро и проследили, чтобы я спустился вниз по правильному эскалатору.

С поездкой на метро справился бы и младенец. Там проходит всего одна линия. Поэтому я никак не мог бы сесть на неправильный поезд. И станцию я тоже не мог перепутать, потому что мне надо было ехать до конечной. Но путь от метро до Бабушкиного дома оказался трудным. Я ошибся в направлении и вдруг очутился перед зоопарком. Но оттуда увидел колокольню церкви, рядом с которой живет Бабушка. И просто пошел, ориентируясь на нее. Зигзагами, потому что между мной и колокольней были большие дома.

Когда я наконец-то добрался до дома Бабушки, у меня стала побаливать левая нога. Она немного больше, чем правая. А ботинки, которые я надел, мне купили еще в прошлом году. Правый пока что подходит, но впритык, а левый уже жмет. Но маме некогда купить мне новые ботинки. Она все время это откладывает, с недели на неделю. Наверное, я получу их, только когда глупая мамина компаньонка вернется из Америки. Потому что нет таких обувных магазинов, которые закрывались бы позже, чем вязальные. И таких, которые бы раньше открывались, тоже нет. Мама хотела, чтобы папа сходил со мной за ботинками. В субботу в первой половине дня или на неделе, если он вдруг вовремя придет с работы. Но он никогда вовремя не приходит! А в субботу до обеда ему тоже не хочется никуда идти, даже если он не едет на рыбалку! «Я ничего не понимаю в детской обуви», — сказал он мне. Чего ж там понимать-то? Я выберу себе какие-нибудь башмаки, а он за них заплатит!

Я не знал, что Бабушка уехала в санаторий! И Карли тоже не знала. Иначе она не повела бы меня к метро. Я очень удивился, что Бабушки нету дома. Ведь был уже полдень, и магазины закрылись на обед.

«Она, наверно, пошла погулять», — подумал я. Спросить, где Бабушка, я ни у кого не мог. Звонил во все двери, но никто не открыл. Я сел на подоконник на лестничной площадке и стал ждать. Целую вечность прождал!

Окно на лестнице было открыто. Я выглянул из него и увидел, что вся стена дома в строительных лесах: наверно, ее собираются заново штукатурить. И еще я увидел, что у Бабушки на кухне окно тоже открыто...

Почему все потом так разволновались, я правда не понимаю! Даже младенец смог бы пройти по лесам от лестничного окна до кухонного. И я не боюсь высоты! Только мишка чуть не упал. Но у него же нет костей, которые могли бы сломаться.

Я уютно устроился в гостиной, распаковал вещи, включил радио и принес печенье. Потом я услышал, как кто-то открывает входную дверь, и подумал: «Наконец-то пришла Бабушка!»

Но это оказались мама, папа и Карли. Я сказал маме и папе, что теперь буду жить здесь. Потому что Бабушка всегда держит свои обещания. И потому что ей не с кем ссориться. Но я не сказал ни слова про то, что Карли довела меня до метро! Тут мама объяснила мне, что Бабушка уехала, и пообещала:

— Торжественно клянусь, что с этого дня мы с папой больше никогда не будем ссориться!

А папа добавил:

— И с этого дня будем держать все наши обещания! Торжественно клянусь!

Их клятвам я не поверил, но мне стало ясно, что если Бабушка уехала в санаторий, то мне все-таки придется вернуться домой. Только сперва я не подал вида, что мне все ясно, и сказал, что останусь у Бабушки и буду жить один! Тогда папа велел мне отдать ключ от Бабушкиной квартиры. Чтобы я еще раз не сбежал из дома и не поехал сюда.

— У меня нет ключа, — сказал я.

— Не пролез же ты внутрь через замочную скважину! — сказал папа.

— Нет, через окно! — ответил я. — Я прошел по строительным лесам! Целых три раза, пока все не перенес!

Тут мама стала совсем бледной. И папа тоже! Они, наверно, никогда не бывали на строительных лесах, иначе знали бы, что пройти по ним пару метров туда-сюда совсем не сложно.

А потом пришлось еще объясняться с Бабушкиной соседкой, потому что из-за нас она чуть не умерла со страху. Благодаря этой соседке папа с мамой и нашли меня так быстро. Карли ведь крепко держала язык за зубами и не сказала им, где я. А соседка позвонила к нам домой. Потому что услышала через стену музыку в квартире Бабушки. Она знала, что Бабушка уехала и не может включить радио. И решила, что в квартиру проникли вору. Вот уж глупо! Вору-то действуют тихо, они не станут включать музыку!

Соседка спросила у мамы, нужно ли ей звонить в полицию из-за подозрения о взломе. Мама посоветовала ей оставить все как есть и сказала: «Мы сейчас же приедем».

Мама, конечно, не поверила насчет воров. Ей было ясно, что в квартире я! И она очень обрадовалась, потому что уже несколько часов повсюду меня искала и очень боялась, что со мной что-то случилось.

Карли потом рассказала мне, что эта чудная соседка ждала их на лестничной площадке. Она жутко волновалась, и вся дрожала, и предостерегала папу и маму, что входить в квартиру Бабушки опасно. Потому что взломщик мог бы разбить им голову.

А потом мама с папой и Карли забыли сказать соседке, что в квартире нет никакого взломщика. И пока мы все вместе не вышли из Бабушкиной квартиры, соседка стояла у себя за дверью, тряслась от страха и сердилась на нас за то, что мы про нее забыли.

Карли думает, что она к тому же была немного разочарована. Ей очень хотелось, чтобы произошла какая-нибудь сенсация. Она была бы рада даже самой малюсенькой сенсации, например, что я забрался в квартиру по строительным лесам. Но папа и мама не сказали ей об этом. Моя мама терпеть не может эту соседку. Когда мама была маленькая и жила у Бабушки, соседка сильно осложняла ей жизнь. Стоило маме хоть чуть-чуть расшуметься, она сразу начинала стучать в стену. Если мама играла внизу во дворе с кем-нибудь из другого дома, то соседка кричала из окна, что чужой ребенок должен идти к себе домой. А когда мама первый раз поцеловалась со своим другом у входа в подъезд, соседка это увидела, помчалась к Бабушке и все ей рассказала. А потом еще и разозлилась, что Бабушка не отхлестала маму по щекам. Само собой, мама просто вообще терпеть не может эту женщину.

Папа страшно обрадовался, что получил меня назад, и сказал: «А теперь будем праздновать! И как следует!» И мне разрешили выбрать, как мы будем праздновать. Я сразу придумал. Я уже давным-давно мечтал устроить такой праздник на берегу маленького озера. Туда, правда, довольно долго ехать, но я как раз и хотел, чтоб праздник продолжался до поздней ночи. И чтоб был костер, на котором можно жарить сосиски и картофель. В темноте костер выглядит гораздо красивее. А когда небо черное, можно увидеть звездопад.

Сначала папа не соглашался. Он, мол, не может праздновать допоздна. В семь часов вечера у него назначена встреча! А звездный дождь все равно бывает только раз в десять лет!

Но мама убедила папу отложить свою встречу. Папа позвонил прямо из телефонной будки, на углу около Бабушкиного дома, и отменил ее. Мы поехали домой и забрали Ани. А еще картошку и много замороженных сосисок. И растопку для костра. И колу, и апельсиновый сок, и одеяла, и хлеб.

Праздник получился замечательный. Пока было еще светло, я искал с папой красивые камушки. Мы набрали полный пакет. Ани, скучный человек, ничего не делал, а только читал, сидя на корточках. Мог бы заняться этим и дома!

Когда стемнело, мы развели костер. С большими камнями вокруг, чтобы на лугу не случилось пожара. Сосиски пожарились хорошо, а картошки — нет. Они остались жесткими внутри. Но я их все равно съел, и у меня заболел живот. Карли с мамой пели у костра на два голоса. Даже Ани потихоньку подпевал, потому что при свете костра не очень-то считаешь. Я ждал, когда же начнут падать звезды. Неправда ведь, что они падают только раз в десять лет. По телевизору один дяденька рассказывал, что на Землю непрерывно падают бесчисленные метеориты. Дяденька этот — директор какой-то обсерватории и, конечно, знает про такие вещи лучше, чем папа.

Жаль только, я скоро заснул и ничего не увидел. А остальные забыли про звезды. Только Ани видел, как они падали. Но мама сказала, что если Ани видел звездопад, то желание может загадать и любой из нас.

Я пожелал, чтобы Карли поверила, что зеленая тушь упала сама. Из-за сквозняка или чего-нибудь в этом роде. Но это желание не исполнилось.

— Только не отпирайся, — сказала она мне, когда мы уже были дома. — Если где-то обнаруживается свинство, то всегда из-за тебя! Еще раз так сделаешь — я тебе шею сверну!

Но она не по правде на меня сердилась. Может быть, это как-то связано со звездопадом.

А потом Карли сказала что-то очень странное. Она сказала:

— Я считаю, Шустрик, мы должны тебя всячески благодарить!

— За что это? — спросил я.

— Твоя шоковая терапия подействовала, — сказала Карли. Что такое шоковая терапия и когда и где я ее делал, она не объяснила, потому что пришел Вуци. Когда он рядом, у Карли больше ни для кого нет времени.

Я пошел к Ани и спросил про шоковую терапию. Он засмеялся.

— Твоя сестра на все смотрит через розовые очки, — сказал он. — И через них она почти все видит неправильно!

— А как же на самом деле? — спросил я.

— В точности наоборот, — сказал он. — А теперь исчезни, я хочу читать.

Я вырвал у Ани из рук его дурацкую книжку и сказал:

— Отдам, когда ты ответишь по-нормальному! Ты всегда говоришь так, что я не понимаю! Объясни сейчас же, или я твою книжку разорву!

Я влез с книгой на письменный стол и поднял ее повыше, держа за несколько страниц. Как будто хотел их вырвать. Я, само собой, вообще не стал бы их вырывать, но Ани решил, что я на это способен, и испугался за книгу. Правда, он все равно не успел бы меня опередить. У него только мозги быстрые, а руки-ноги медленные. Ани вздохнул и сказал:

— Ладно, слушай! Шок — это сильный испуг или страх! И ты его нагнал на маму с папой, когда сбежал из дому. А потом они нашли тебя, сильный страх прошел, и они очень обрадовались. И поскольку они очень обрадовались, они помирились и устроили праздник с костерком, и все было очень гармонично. Карли теперь воображает, что эта гармония будет продолжаться и этим мы обязаны тебе. Понял?

— Нет, — сказал я. — Потому что я не знаю, что значит «гармония». Что это такое?

Но тут Ани, незаметно подкравшись поближе, стащил меня со стола и отобрал книгу. Потом схватил меня за воротник, выпихнул из комнаты и запер дверь. А я пошел искать в словаре слово «гармония». В словаре все буквы очень маленькие и стоят близко-близко друг к другу, и предложения тоже очень сложные. Я не совсем понял, но в общем, гармония — это что-то красивое, с мажором и минором, и с созвучием, и с соразмерностью. И еще это может быть духовой клавишный инструмент [2].

Но какое это имеет отношение к нашему празднику на озере, к папе, маме и шоковой терапии, я все равно не понимаю. Может быть, Ева знает. Ева сидит со мной в школе за одной партой и всегда все знает.

Торт был хорош

Рассказывает Карли

Вот пусть мне кто-нибудь объяснит, как человеку сосредоточиться на заучивании английских слов, если ему все время мешают! Получаса не проходит без того, чтобы не позвонила мама с разными поручениями:

«Пожалуйста, сходи в аптеку и купи для Ани шипучие таблетки с витамином С!»

«Пожалуйста, завари ему ромашковый чай, положи туда побольше меда и проследи, чтоб он его выпил!»

«Пожалуйста, измерь ему температуру и позвони мне!»

«Пожалуйста, посмотри, остались ли у нас в аптечке таблетки от боли в горле, и дай ему одну».

Мне кажется, фрау Поппельбауэр немного перегибает палку. Грипп – болезнь для жизни не опасная, и мой милый братец на одре болезни, кажется, чувствует себя преотлично. Все, что ему нужно для жизни, – а именно книги – у него есть.

Но если мама уж так беспокоится за своего обожаемого Ани, пусть тогда закрывает вязальный магазин и изображает дома медсестру. У нее же нет шефа, который мог бы ее уволить за прогулы.

Этот дурацкий магазин, само собой, нужно бы вообще закрыть.

Мама там только надрывается и ничего с него не имеет! Я понимаю, конечно, что в свое время маме до смерти надоело быть «только домохозяйкой» и она хотела в конце концов заняться чем-то, что доставляло бы ей удовольствие и приносило деньги. А когда мама и Тереза-Шарлотта отремонтировали магазин, я тоже считала, что он совершенно обалденный и суперклассный. Столько разноцветных мягких шерстяных клубочков! И как здорово декорированы витрины! И какие потрясающие свитера из пряжи двенадцати цветов связала мама!

Только очень скоро выяснилось, что такой магазин приносит мало удовольствия, но зато много хлопот. И просто смешно, когда мама упорно твердит: «Я хочу иметь собственные деньги!» Сама ведь признает, что от магазина нет никакого дохода. Мама зарабатывает на нем ровно столько, чтобы выплачивать кредит, который был взят для его ремонта. Кроме того, папа зарабатывает много и совсем не жадный, так что мама совершенно спокойно могла бы считать половину этих денег своей собственной и жить в свое удовольствие.

Но я не хочу быть несправедливой! Могу себе представить, что мама была недовольна своей жизнью: если молодая женщина только что окончила гимназию, собирается учить итальянский и русский и стать переводчицей-

синхронисткой, а потом, уже в первом семестре, беременеет, и учебу приходится прерывать и выходить замуж, то веселого тут, конечно, мало.

Но это еще и несправедливо! Папа тоже был только на втором курсе, но продолжал учиться. Бабка и дедушка давали каждый месяц достаточно денег, чтобы папе с мамой хватало на жизнь. А я была еще такая крохотная, что на меня уходило немного.

Мама рассказывала мне, что после моего рождения твердо решила продолжать изучение языков. Хотела только подождать, пока папа закончит учебу и начнет зарабатывать, а я подрасту и пойду в детский сад. Отдать меня Бабушке мама не могла, потому что Бабушка тогда еще не вышла на пенсию.

Но прежде чем папа получил диплом, на свет появился Ани, и тут мама сдалась. Иметь двух детей и учиться – это было для нее слишком.

У нас дома мы вполне свободно говорим о многих вещах, но все-таки я не могу обсуждать с родителями любые проблемы и оттого не знаю, почему, собственно говоря, я и Ани появились на свет, раз мы вовсе не вписывались в мамин «жизненный план». Просто невысказано задать вопрос типа: «Мама, а почему ты от меня не предохранилась?» Да и вряд ли я получила бы честный ответ.

Честные ответы у нас дома вообще редкость (за исключением Ани: он честный аж до грубости). Папа с мамой предпочитают хранить проблемы под толстым покровом тайны. Но в этом покрове много дырок, и через них так и несет проблемами. С некоторых пор сильнее всего запах Рыбы по имени Вильма. Я старалась не чують его как можно дольше, хотя Ани и тыкал меня носом. Я возражала ему изо всех сил: «Что ты плетешь, у папы нет никакой любовницы!»

Но Ани, к сожалению, ничего не выдумывал. У папы есть Рыба! И в последнее время он даже не дает себе труда прятать ее. В выходные он больше не притворяется, что едет на рыбалку, а просто говорит «пока» и «гуд-бай» и отчаливает. И при этом делает вид, что не слышит, как Шустрик спрашивает его, куда он едет. А если Шустрик задает этот вопрос маме, то она говорит только: «Об этом тебе надо спросить своего отца!»

Но пока меня не убедят в чем-то худшем, я продолжаю считать, что в случае Рыбы Вильмы речь идет просто о мелкой интрижке. А интрижки со временем заканчиваются. И может быть, папа скоро надоеет этой Рыбе! С папиным коллегой она была только год. С лысым тоже. Если она и папу выдержит столько же, то скоро вся эта неприятная история останется позади! Это в том случае, если история с Вильмой – как предполагаем мы с Ани – началась, когда папа обнаружил в себе склонность проводить выходные на рыбалке.

Ну вот! Опять! Телефон звонит, наверно, каждые пять минут! Если это снова мама, я сойду с ума.

Естественно, это снова была мама! Интересовалась, поднялась ли у Ани температура. Ну ясное дело, поднялась. Даже я знаю, что во второй половине дня температура поднимается. Нужно ли вызвать врача, спросила мама. Да с какой стати это должна решать именно я?

У Ани было 39 и 6. Карманным фонариком я посветила ему в горло. На огненно-красных миндалинах – сплошные ярко-желтые точки. Значит, у него не просто грипп, а гнойная ангина. И чувствует он себя, конечно, паршиво. Даже сам, добровольно, перестал читать. Сказал, что буквы расплываются у него перед глазами. Но считает, врача вызывать ненужно. Может, ему помог бы холодный компресс на грудь. Вообще-то такой компресс – сущий кошмар, и Ани, конечно, не разрешит его делать. Но я же могу хотя бы спросить его

об этом! И вообще, теперь я иду к нему. Чтобы заразиться гнойной ангиной! Я же не обязана иметь железное здоровье! Любая нормальная сестра уже давно бы заразилась после такого долгого ухода за братом. Английские слова я, само собой, до завтра все равно не выучу. Тогда зачем мне идти в школу, чтобы снова получить двойку? А послезавтра у нас контрольная по химии. По химии я знаю столько же, сколько новорожденный младенец. Каждую неделю хватать по два неуда — так миготом депрессию заработаешь. Но если я начну кашлять, обмотаю шею шарфом и слегка подкрашу ноздри румянами, а сверху смажу вазелином, то мама наверняка поверит, что я заболела. А на мои миндалины она не может посмотреть. Мне их удалили пять лет назад.

Болезнь понарошку — очень приятное занятие. Жаль только, у нас нет ни видика, ни кабельного телевидения. Сегодня утром по проклятому ящику не показывали ничего, кроме французского языка для начинающих и передачи о выборе профессии для юношей. В одиннадцать начали передавать какой-то роскошный исторический фильм про Древний Рим, но я не смогла его посмотреть, потому что позвонила директриса Шустриковой школы и сказала, что Шустрика нужно забрать домой, он заболел.

Я бы очень хотела его забрать! Но если я действительно больна, то у меня вряд ли хватит сил одолеть дорогу до школы. Кроме того, я и вправду слишком слаба, чтобы нести Шустрика от школы домой! Ведь он совсем расхворался, у него высокая температура, и он не сможет идти своим ходом!

— Наверно, надо позвонить маме, пусть она его заберет, — сказала я Ани.

— А почему, собственно, маме? — спросил Ани. — Позвони папе!

— Это будет бесполезная трата времени, — возразила я, — он сразу предложит позвонить маме!

— Тогда скажи, — просипел Ани, которому было трудно говорить из-за больного горла, — тогда скажи, что мама не может и что она сказала, что это должен делать он!

— Но мама этого не говорила, — уперлась я.

Ани сказал, что незачем обходиться с правдой так буквально. Но я все равно отказывалась. Я твердо решила держать нейтралитет, не становиться ни на папину, ни на мамину сторону и ни во что не вмешиваться. А это было бы вмешательство!

— Ладно, тогда я сам позвоню! — Ани встал с постели и, шатаясь, побрел к телефону. Набрал номер и прохрипел, чтобы позвали магистра Поппельбауэра.

Как я напороочила, так и вышло. Папа сказал, что никак не может уйти с работы, у него сейчас начнется очень важное совещание. Пусть Ани позвонит маме и скажет, чтобы она забрала Шустрика.

Ани соврал, что уже звонил маме, но она сегодня поехала в магазин не на машине. Машина у автомеханика. А ехать до школы на трамвае займет уйму времени. А на такси слишком дорого.

Ну и ерунда! Когда это нашей маме такси было слишком дорого! Это же не вертолет! Мама даже к парикмахеру часто ездит на такси.

Думаю, папа тоже сказал что-то в этом роде, но тут Ани просипел в трубку:

— Да все равно, придурок чертов, можешь ты хоть раз тоже что-то сделать!

Потом грохнул трубку на рычаг и побрел обратно в постель. И при этом бормотал:

— Само собой, просто вообще не бывает таких важных совещаний, которые нельзя при необходимости отложить!

— Это ты так думаешь, — сказала я. — Но я не уверена, что он с этим согласится!

Ани лег в кровать, накрылся одеялом и отпил глоток ромашкового чая, чтобы облегчить боль в горле. А потом сказал:

— Ну так вот, если папа прямо сейчас не идет к машине, тогда он мне просто вообще больше не нужен.

— Может, все-таки позвонить маме? — спросила я. Ани упрямо тряхнул головой. Иногда он бывает очень несговорчивым. И хотя он на три года младше меня, я в таких случаях не могу ему противоречить.

Я только спросила:

— А вдруг бедного Шустрика так никто и не заберет?

— Тогда директриса скоро опять позвонит, — сказал Ани и посмотрел на часы. — Если через полчаса папа с Шустриком не вернутся домой или директриса позвонит еще раз, звони маме!

Мне это не понравилось, но я кивнула. И мы стали ждать. Ани в кровати, я на ее краешке. И пока мы так ждали, я спросила Ани:

— А как ты отговоришься, если узнают, что мама понятия не имела, что Шустрик заболел, и что ее машина не у механика и она никогда не говорила, что ей слишком дорого ехать на такси?

Ани сказал:

— Во-первых, никто про это не узнает, папа с мамой все равно друг с другом не разговаривают. А во-вторых, не нужно удивляться, что у сына, который наблюдает, как разрушается брак его родителей, появляются нарушения в психике и он врет почему зря. — И Ани повернулся к стене лицом, а ко мне задом.

Всего через двадцать минут приехал папа с Шустриком. Увидев подъезжающую к дому машину, я быстро легла в кровать и стала кашлять.

Бедный Шустрик и вправду был совершенно не в себе. Глаза мутные, горячий, как печка, и слабый, как тряпка. А папа вдруг совершенно перестал торопиться. Сходил в кондитерскую и принес бисквитного печенья, заварил нам чаю, взбил подушки и вытряхнул из кроватей крошки. У нас воцарилась настоящая гармония между отцом и детьми. Жаль только, Шустрик в ней не участвовал. Как только папа раздел его и уложил в постель, он сразу же провалился в глубокий лихорадочный сон.

Гармонии между отцом и детьми не помешал даже мамин звонок. Она интересовалась, как дела у меня и у Ани и чего мы хотим на ужин: она только что уговорила уборщицу из своего магазина сходить за покупками. Конечно, мама очень удивилась, что к телефону подошел папа, и мало-помалу выяснилось все то, что, по словам Ани, никогда не должно было выясниться. Но Ани не пришлось говорить папе, что нельзя обижаться на вранье ребенка с нарушенной психикой, потому что папа вообще не спросил, почему Ани его обманул. Наверно, не хотел препираться с больным сыном. Или у него просто вообще совесть нечиста.

Папа собрался уходить лишь незадолго до маминого возвращения. Тут Шустрик немного приободрился.

— А куда ты идешь? — спросил он папу.

— Мне нужно вернуться на работу, — ответил папа.

— А когда ты снова придешь домой? — спросил Шустрик.

— Скоро, — ответил папа.

— А скоро — это когда? — переспросил Шустрик.

— Скоро — это около девяти или десяти, — сказал папа.

— Значит, в девять? Или в десять? — Шустрику хотелось знать поточнее.

— В девять тридцать! — сказал папа.

— Честное слово? — спросил Шустрик.

— Честное слово! — ответил папа.

Я как раз, кашляя, шла в туалет и видела лицо папы, когда он давал Шустрику честное слово. Он действительно давал его по-честному! Я хорошо разбираюсь в папиной мимике. Когда ему приходится врать, он выглядит совсем по-другому. Он не смотрит на того, кого обманывает, а обводит окружающую местность неопределенным взглядом, и у него начинают бегать глаза.

Папа опоздал с выполнением своего честного слова всего на полчаса, и я, дуреха с розовыми очками на носу, снова увидела на семейном горизонте проблеск надежды. Потому что был четверг. А четверг, как известно, — один из дней, посвященных Вильме.

«Ну вот! — подумала я. — Мы для него все-таки важнее, чем какая-то интрижка! Когда нужно, он на всех парах мчится к нам».

Но на самом деле к нам на всех парах примчалась грандиозная ссора. Началась она с того, что мама потребовала от папы помогать ей ухаживать за больными детьми.

— О'кей, — сказал папа, — буду раньше приходить домой.

Но мама сказала, что он должен присматривать за нами и в течение дня. Ведь ее компаньонка все еще в США, а закрыть магазин она не может. Ей нужно зарабатывать деньги. А если папа на несколько дней скажется больным, его заработок не уменьшится. В конце концов, он наш отец, и у него равные с мамой обязательства по отношению к нам.

Вот тут папа как с цепи сорвался! Стал орать, что у него тяжелая работа и ее нельзя сравнивать с торговлей в какой-то лавчонке.

Потом он выбежал в коридор, достал из шкафа чемодан, покидал туда свои шмотки и при этом кричал, что он мог бы еще заявить об уходе с работы и взять на себя ведение домашнего хозяйства! И тогда мы будем жить только на то, что приносит мамина лавчонка. И уж точно положим зубы на полку!

Папа, конечно, говорил не всерьез. Он вообще представил все дело так, будто на самом деле у мамы не было никаких проблем, а просто ей захотелось — исключительно из злобного коварства — принудить его к чему-

то совершенно абсурдному. Он не позволит себя шантажировать, кричал он. Пусть мама вызовет Бабушку, чтоб она помогала ухаживать за больными!

Мама объяснила ему, что Бабушка любой гриппозный вирус подхватывает в одну секунду и послезавтра у нее будет уже четверо больных. (Это правда. На нашу Бабушку стоит только раз чихнуть, и у нее мигом начнется роскошный насморк. Доктор говорит, у Бабушки слишком слабый иммунитет. И папа это знает.) Но папа опять повернул все так, будто мама выдумывает невесть что. Он закрыл чемодан и сказал, что может прислать нам на помощь свою мать.

Мама это предложение проигнорировала. И слава богу! Она знает, что Бабка нам противопоказана. Ани скорее пойдет в школу с температурой и гнойничками на миндалинах, чем позволит старой карге ухаживать за ним! И Шустрик тоже!

Но папа, видимо, считал, что, предложив Бабкину помощь, уже сделал для нас достаточно.

Он взял чемодан и пошел к выходу. Мама сказала ему вдогонку:

— Если ты сейчас вот так просто уйдешь и бросишь меня, когда я в полной заднице, тогда действительно все!

Кажется, папа даже не услышал этих слов.

Ну и как прикажете все это понимать? Что мама имеет в виду под «действительно все»? Что означает чемодан, который папа взял с собой?

— Да то, что он от нас ушел, сообразительная ты наша, — сказал мне Ани.

Ему хотелось, чтобы эти слова прозвучали хладнокровно и небрежно, но голос у него сорвался, и было заметно, что он сдерживает слезы.

Но папа же не по-настоящему ушел! В чемодан не влезла даже десятая доля его барахла. Если открыть папино отделение шкафа, там еще так много всего, что отсутствие некоторых вещей совершенно незаметно. Из своей комнаты он не взял ни одного карандаша, ни одной книги. Все папины личные вещи пока здесь. И его бритва, и купальный халат, и лосьон после бритья, и зубная щетка.

Ани утверждает, что папа разыграл ссору и раздул ее, чтобы у него был повод собрать чемодан и смыться. Потому что он слишком труслив и боится спокойно сказать маме, что хочет уйти от нас.

Я решила поговорить с мамой. После того как ушел папа, она сразу легла в постель и выключила свет. Я зашла к ней в комнату. Она притворилась, что спит. Но спящие люди дышат совсем по-другому. Я спросила ее:

— Послушай, мама, что же теперь будет?

Она не ответила.

— Как мы теперь будем жить? — не отставала я.

Тут мама наконец сказала:

— Завтра с утра я все-таки позвоню Бабушке и попрошу ее приехать. Придется пойти на риск, что и она подхватит грипп!

Как будто я спрашивала об этом! Не зажигая света, я подошла к маминой кровати и присела на краешек. Мама взяла меня за руку.

– Я и сама не знаю, – сказала она. – Как-нибудь проживем...

Я спросила, что она имела в виду, когда сказала папе про «полную задницу» и «действительно все».

От того, что было дальше, можно было если не зарыдать, то уж точно расхохотаться! Мама разозлилась и одновременно пришла в ужас, поняв, что я все слышала. И о чем только родители думают?! Стоят в прихожей, орут друг на друга во все горло и считают, что подрастающее поколение потеряло слух? Или как? Или что?

В общем, я сказала маме, что в нашем родимом доме стены такие тонкие, что мы, дети, с самого начала слышали все их ссоры. И что мы не дураки и знаем, что у папы есть Рыба Вильма. Конечно, только я и Ани. Шустрик не знает.

Маме понадобилось некоторое время, чтобы все это переварить. Потом она сказала, что раз уж нам все известно, то мы пойдем: она не может дальше так жить. Что-то должно измениться.

«Что-то должно измениться» может означать что угодно. Я думаю, мама сама не знала, что она под этим подразумевает. Раньше, когда я была совсем ребенком, я верила, что взрослые разбираются в жизни. Наверное, в детстве в это надо верить, чтобы чувствовать себя более-менее уверенно. Но на самом деле взрослые очень часто не знают, что делать, и в голове у них полнейший сумбур.

Охотнее всего я бы сейчас размотала шарф, стерла с носа румяна и вазелин, перестала кашлять и снова пошла в школу! Но Ани говорит, ему нужна моя поддержка, в одиночку он не справится. А во мне, как он считает, больше напористости, и если что, я за словом в карман не полезу. Ладно, остаюсь на боевом посту!

На следующий день на нас без всякого предупреждения обрушилась новая неприятность. Утром в семь мы с мамой вдвоем позавтракали. Ани и Шустрик еще спали. Это был мой первый завтрак в будний день без папы! За кофе мама три раза пыталась дозвониться до Бабушки, но та не снимала трубку. Наверняка отправилась за покупками. Наша Бабушка – типичный «жаворонок». Она была бы только «за», если бы бакалея на углу открывалась уже в шесть утра.

Перед тем как уйти на работу в магазин, мама сказала мне, что будет звонить Бабушке оттуда. Я пошла к себе еще немножко вздремнуть. Спать утром допоздна – роскошь, которую я обожаю. Но долго предаваться ей я не смогла. Рев Шустрика вырвал меня из замечательного сна, в котором я стремительно мчалась на красном «порше», а рядом со мной сидел потрясающий парень. Надо поразмыслить, почему мне не приснился Вуци!

Я вскочила с кровати и побежала к Шустрику. Ани, на ватных от температуры ногах, тоже спешил туда. Шустрик орал так, будто ему грозила смертельная опасность. Я решила, что из-за высокой температуры ему приснился кошмарный сон.

Но кошмар был из плоти и крови! У кровати Шустрика стояла наша Бабка и пыталась поставить ему на грудь холодный компресс. Мы с Ани спросили, почему это она здесь, и Бабка тут же обиделась. Может, наш вопрос прозвучал не очень-то любезно, но мы ведь ждали Бабушку, а тут появляется это пугало. Как мог произойти такой сбой, я не знаю.

Я позвонила маме в магазин и спросила, почему вместо Бабушки приперлась Бабка. Мне было совершенно наплевать, что старуха все слышит. Пусть не воображает, что я буду щадить чувства особы, которая, убирая нашу и без

того чистую кухню, при этом громко разговаривает сама с собой, что, дескать, у ее невестки все приходит в упадок и не удивительно, что и ее брак тоже разваливается!

Мама опять начала плести что-то несурзное.

— Это папа послал к нам Бабку, — запинаясь, сказала она. — И я не могу ему этого запретить.

А Бабушка приехала бы, несмотря на опасность заболеть. Но когда она узнала, что Бабка уже здесь, она не захотела ехать. Ведь они терпеть друг друга не могут.

Когда я рассказала Ани про разговор с мамой, он хотел позвонить ей и сказать, чтобы она позвонила папе и велела ему срочно отозвать свою «медсестру» с театра военных действий.

Но я его отговорила. Старуху мы уж как-нибудь вытерпим. Думаю, теперь нам необходимо благоразумие. Иначе все кончится еще одной телефонной ссорой между мамой и папой. А мы ведь хотим, чтобы они помирились, поэтому новых ссор надо избегать. Ани признал, что я права.

Три дня мы, скрипя зубами, терпели Бабку. Она жутко действовала нам на нервы. Стоило, вылезая из кровати, поставить голую ногу на пол, как тут же слышалось: «Сейчас же надень тапочки, иначе никогда не выздоровеешь!» Включаешь телевизор, она заводит: «Немедленно выключи и отправляйся в постель. Телевизор вреден даже здоровым детям, а уж больным тем более!» Откроешь холодильник — опять то же самое: «Закрой сейчас же! Поешь, когда придет время обеда!»

А что это были за обеды! Попить — ромашковый чай, а поесть — овсянка! И никаких свежих фруктов! Только яблочный компот. Вот что эта женщина понимает под «щадящей диетой». Ани и Шустрику было, в общем-то, все равно. Они ведь болели по-настоящему, особенно Ани, и им, само собой, просто вообще не хотелось много ходить, смотреть телевизор и есть. Но я чувствовала себя так, словно надо мной совершают настоящее насилие. К тому же Бабка все время косилась на меня, будто не верила в мою болезнь. Пришлось так много притворно кашлять, что у меня начало саднить в горле, и я стала кашлять уже по-настоящему.

Каждый день мы с нетерпением ждали шести часов. Потому что в шесть Бабка отчаливала. Мама возвращалась домой в половине седьмого, а Бабка не хотела с ней встречаться. Она раз по десять на дню напоминала, что присматривает за нами ради своего сына!

А сегодня, сразу после школы, к нам без звонка заявился Вуци. Проведать больных. А я сижу в постели, и на носу у меня отвратительная смесь румян и вазелина!

Вуци пришлось закрыть глаза руками и ждать, пока я сотру с носа свою «болезнь». Он, правда, сказал, что красный жирный нос ему не мешает, но я не поверила. Позднее он всякий раз ухмылялся, вспоминая об этом.

В общем, я привела нос в порядок, так что на меня снова можно было смотреть. Вуци осторожно поцеловал меня в чистый кончик носа, а я осторожно поцеловала его в кончик носа, и он одной рукой приобнял меня. И как раз когда он хотел поцеловать меня по-настоящему, а я подумала: «Вот, Карли, сейчас будет твой первый в жизни поцелуй, этот миг ты запомнишь на всю жизнь», — дверь распахнулась, в комнату вошла Бабка и сказала:

— Каролина! Как тебе не стыдно!

– Само собой, просто вообще не стыдно! – заорала я на нее. Но на Бабку это не произвело особого впечатления. Величественно, как царица Савская, она произнесла:

– Пока я здесь, ты будешь вести себя прилично!

И добавила, кивнув на Вуци:

– А молодой человек пусть идет домой!

Вуци хотел встать и послушно слинять. Но я его удержала. Во мне кипела такая неистовая ярость, что я чуть не лопнула: эта мерзкая старуха испортила мой первый поцелуй!

– Оставайся здесь, – велела я Вуци. И, повернувшись к Бабке, произнесла (надеюсь, так же величественно, как царица Савская):

– Пожалуйста, выйди сейчас же из моей комнаты!

Старушенция совершенно обалдела. Слова вымолвить не могла.

А потом решила покинуть не только мою комнату, но и наш дом. И больше никогда не возвращаться! (Что она никогда больше к нам не придет, Бабка сообщила не мне, а Шустрику. Надо надеяться, он не ослышался.)

Вуци от всего этого несколько растерялся и спросил, не слишком ли круто я хватила. Но моя напористость явно произвела на него огромное впечатление. А потом мы нагнали упущенное и поцеловались по-настоящему. Вуци сказал, что этот поцелуй вовсе не первый, потому что однажды он уже целовал меня. В детском саду, в песочнице. И с тех пор, сказал Вуци, он мечтал о следующем разе!

Ну не странно ли это! Папаша, прихватив чемодан, ушел от нас, братья болеют, мать в отчаянии, а я сижу и напеваю. Вот что способен сделать с человеком первый поцелуй!

Я чувствую в себе настоящий, сильный драйв! Решено, беру домашнее хозяйство в свои руки. И уход за больными! Я справлюсь!

Я сообщила об этом маме, когда она вечером вернулась домой. Сначала она решила, что раз уж я выздоровела, то надо идти в школу. Потому что отметки мои до того скверные, что мне аукнется каждый пропущенный день. Но я с легкостью убедила маму, что на этой неделе в школе все равно не будет ничего особо существенного и мое присутствие дома гораздо важнее. Впрочем, может, мама и не поверила моим доводам, а просто почувствовала себя настолько замороженной, что ей все уже было до лампочки.

Не хочу себя хвалить, но с хозяйством я справляюсь отлично. Все идет как по маслу! Братья даже едят мою стряпню! И Шустрика я выходила. У Ани пока что температура и гной на миндалинах, но и ему стало лучше. В общем, с телесным уходом мы вполне справляемся. Но вот с душевными проблемами все обстоит далеко не так хорошо. Папы нет дома уже шесть дней. И Шустрик непрерывно донимает меня вопросами, когда же папа вернется и где он вообще. Наш клоп ужас как злится, если я говорю, что тоже не знаю. А что еще я могу сказать? Психологию я не изучала и не знаю, что можно говорить такой малявке. Я ведь и сама – просто двухэтажная малявка.

Я пыталась обсудить это с мамой. Но она только плечами пожимает и бормочет: «Мне-то откуда знать?» После всего, что произошло, она сама не своя.

Как ни странно, маму Шустрик о папе не спрашивает. Когда она приходит вечером домой, он ведет себя, как котенок, норовит прижаться к ней и просит рассказать сказку. С завтрашнего дня Шустрик снова идет в школу. А как долго еще продлятся мои «каникулы», зависит от Ани и его гнойничков на миндалинах. На самом деле он вполне мог бы обойтись и без меня, но перед мамой представляет дело так, будто по-прежнему во мне нуждается. Это я его попросила. Мне так страшно идти в школу! Еще перед «каникулами» у меня были сплошные неуды, а теперь, само собой, я буду просто вообще распоследней душой, ведь столько всего пропустила. А Вуци еще считает меня умной... Просто он меня любит!

Раньше я тоже думала, что я не дура. А вот оказывается, что дура! Ничегошеньки в мои мозги не лезет, такие они у меня тупые и неповоротливые. Сяду за уроки, а толку ноль. Таращусь на строчки и читаю их, бормоча себе под нос, раз по десять. А потом все равно не могу вспомнить, что же я прочла. Наш классный руководитель говорит, что я не глупая, а просто невнимательная. Ну и что с того? Пусть тогда кто-нибудь объяснит мне, как именно можно сосредоточиться! Я бы с превеликим удовольствием бросила школу и выучилась чему-нибудь, что можно делать руками, а не головой.

Например, я хотела бы делать красивые шляпы. Или расписывать стекло. Или выращивать цветы. Но мои родители и слышать об этом не желают. В нашей семье без свидетельства об окончании гимназии никак не обойтись. Хотя вообще-то это просто смешно. Что маме дало ее гимназическое образование? Вязальный магазин, который еле-еле сводит концы с концами!

Я давно дала себе клятву не держаться ни папину, ни мамину сторону и не вмешиваться в их ссоры. Но не получается! Мало-помалу я начинаю жутко злиться на папу. Он ведет себя просто подло! Сегодня Шустрик не пошел в школу, а поехал к папе на работу. Никогда бы не подумала, что он способен на такой поступок, но вполне понимаю, почему он так сделал. Раз никто из нас не говорит ему, что происходит, что же ему остается? Удивительно другое – ни Ани, ни я до этого не додумались.

Но, если совсем честно, такая идея приходила и мне в голову. Только я ее не осуществила, потому что боялась того, что мог бы сказать мне папа. И с Ани, наверное, было так же.

Папа наверняка не обрадовался, что Шустрик заявился к нему на работу. Как там все было в точности, я не знаю. Шустрик рассказал только, что папина секретарша принесла ему кока-колу из автомата, а потом вызвала такси и отвезла его в школу, прошла с ним в класс и соврала учительнице, что Шустрик опоздал из-за «заключительного обследования» у врача. Такого секретарша, конечно, не говорила. Хотя вообще-то совершенно неважно, что она там наплела учительнице. Важно, что папа обещал Шустрику вечером вернуться домой! Дал честное слово. И если Шустрик мог ослышаться насчет «заклучительного обследования», то про честное слово папы он наверняка понял все правильно.

Шустрик вернулся из школы около полудня в полном воодушевлении. И ждал всю вторую половину дня. В пять часов я позвонила папе на работу. Его там уже не было.

– Вот видишь, – сказал мне Шустрик. – Еще совсем немножко – и он будет здесь.

Когда мама вернулась из магазина, папы все еще не было. Но Шустрик упрямо твердил, что он скоро придет. Папа же дал честное слово! Сейчас уже десять, а Шустрик по-прежнему сидит в гостиной и говорит, что папа

обязательно придет. Мама битый час пытается переубедить его и загнать в постель. В конце концов она пообещала Шустрику разбудить его, когда папа наконец появится. И Шустрик, кажется, согласен пойти баиньки.

Мы надеялись, что к утру наш клоп кое-как справится с разочарованием. Но ошиблись. Шустрик не только не справился с ним, он совсем свихнулся! Упорно повторял, что папа все-таки приходил. Посреди ночи! И только утром, незадолго до того как мы проснулись, ушел! Надеюсь, Шустрик просто выдавал желаемое за действительное и только поэтому морочил нам голову. Ведь если ему вправду мерещится такое, его надо лечить.

И меня тоже надо лечить! Давать таблетки от школьной фрустрации. Сегодня я впервые после «каникул» снова вошла в храм просвещения! Мне казалось, пяти уроков я не выдержу. Хотя учителя оставили меня в покое, потому что я долго отсутствовала. При одном только взгляде на пропущенный материал, который надо переписать себе в тетрадь, у меня отнимаются пальцы! Вуци непременно хочет помочь мне с учебой. А я не могу принять его помощь. Если он заметит, какая я дура, вся его любовь улетучится!

* * *

Ну вот, шила в мешке утаить, естественно, не удалось, а розовые очки я снимаю раз и навсегда! Но расскажу все по порядку.

Я пришла из школы домой, и Ани сообщил мне, что звонила мама и сказала, что Шустрик вернется домой только после обеда. Потому что папа забирает его из школы, чтобы все-таки выполнить свое обещание, хотя бы и с двадцатичасовым опозданием.

— Если только у магистра Поппельбауэра опять не изменятся планы, — добавил Ани.

А Вуци, который пришел вместе со мной, сказал, что Ани незачем возмущаться, ведь двадцать часов опоздания не так уж и много. Его собственный отец, между прочим, опоздал примерно на 130 000 часов.

На пятнадцать лет! Вуци вообще никогда не видел своего отца. Тот живет за границей с новой семьей и только присылает алименты. Вуци даже не знает, как он выглядит. Мама Вуци разорвала все папины фотки на мелкие кусочки, когда он ее бросил.

В четверть первого Шустрика еще не было дома, и мы решили, что его действительно забрал папа. Ани приготовил спагетти с соусом карбонара, и мы втроем уплели их. Для возни на кухне Ани уже достаточно окреп. Но ходить за покупками пока не может, ноги плоховато держат. Поэтому Ани приготовил спагетти карбонара из того, что нашлось в доме. Вместо спагетти он взял длинную лапшу, вместо шпика — салями, вместо пармезана — домашний сыр, а вместо отсутствующих сливок — побольше яиц. В результате это блюдо напоминало скорее омлет с комками лапши, потому что при варке лапша слиплась. Но за время детства и отрочества в нашей семейке поневоле научишься неприятельности! Пока мы ели, я решила, что, когда папа привезет Шустрика домой, я серьезно поговорю с ним и спрошу, что происходит и как все будет дальше. Я же имею полное право знать, есть у нас еще отец или уже нет!

Мы с Вуци сидели в комнате у Ани, когда вернулся Шустрик. Он прошел по коридору в гостиную, еле удерживая в руках огромный шоколадный торт. Клоп

был в чрезвычайно радостном настроении и тут же заорал, что сейчас мы все вместе будем есть торт. А потом поедет с папой в город и выберет себе джинсы и новые ботинки. В общем, «будьте счастливы, я привел вам папу, который купит всем штаны!»

Я пошла в гостиную к папе и Шустрику. Ани отказался: он, мол, не хочет видеть папу. Вуци остался с Ани, и тот объяснил ему, что от папы нужно отвыкать, как от курения: необходимо раз и навсегда подвести черту. Если хочешь бросить курить, нельзя время от времени делать одну-две затяжки, иначе все отвыкание пойдет коту под хвост и пагубное пристрастие восстановится. Обо всем этом Вуци рассказал мне позже.

Наверно, Ани прав, но я не такая умная, как мой братец! В общем, я пошла к папе, папа обнял меня за шею и прижал к себе. Сердце у меня заколотилось, и я чуть не прослезилась от нахлынувшего умиления, но взяла себя в руки, высвободилась из папиных объятий и сказала, стараясь не поддаваться его обаянию:

— Папа, давай поговорим начистоту, это нам нужнее, чем торты, джинсы и обувь!

(Хотя мои шмотки уже просто вообще никуда не годятся и мне срочно требуются новые.)

Папа хотел отговориться какими-то глупыми шуточками, но я держалась твердо, как скала, и, глядя ему прямо в глаза, спросила:

— Так как же теперь обстоят дела? Твоя отлучка — это временное отклонение от маршрута, или ты дезертируешь окончательно?

Эту фразу мог бы произнести Ани, а ко мне она, само собой, просто вообще не подходит. Но в некоторых тяжелых ситуациях гораздо легче выразиться так, чем объяснять, что у тебя в действительности на душе.

Папа начал нести какую-то чушь. Если у нас возникнут проблемы, то он, само собой, будет в нашем распоряжении просто вообще в любое время. И теперь он сможет проводить с нами гораздо больше времени, чем раньше. На выходные и на каникулах. А для детей гораздо лучше один хороший день без родительских ссор, чем целая ужасная неделя с ругающимися родителями. И если люди действительно любят друг друга, им незачем каждое утро завтракать за одним столом! Не знаю, долго ли еще продолжалось бы это вранье, если бы я не перебила:

— Тогда это, наверно, означает развод?

— Да, — ответил папа.

Тут Шустрик схватил торт и швырнул его через гостиную. Ни с того ни с сего, не сказав ни слова! Торт вылетел за дверь, в прихожую, как летающая тарелка-фрисби, шлепнулся на пол рядом с телефонной тумбочкой и развалился на несколько темно-коричневых кусков. А весь пол вокруг покрылся брызгами шоколадного крема.

Шустрик убежал к себе в комнату, а я сказала папе, что ему лучше уйти. И он весьма проворно удалился. Еще и прошептал, трагически наморщив лоб, что-то вроде:

— Когда-нибудь вы сможете меня понять!

Не знаю, что бы мы делали, если б не Вуци. Он просто душа-человек. Собрал с пола коричневые куски и остатки крема, потом на кухне соорудил из всего этого нечто круглое и щедро посыпал какао. И сказал:

– Нельзя, чтобы такой хороший торт пропал. Папаши – отдельно, а торты – отдельно.

Я выманила Шустрика из его комнаты и как могла утешила. Я бы с удовольствием утешила и Ани, но совершенно не представляла себе, как это сделать. Шустрик еще маленький, и его можно, по крайней мере, гладить по голове и вытирать ему нос. Но с тринадцатилетним мальчишкой такое не пройдет. К тому же он не ревет и не вырабатывает избыточного количества соплей.

К тому времени, когда мама вечером вернулась из вязального магазина, мы вчетвером успели уничтожить весь торт. И мама этому очень обрадовалась. Судя по ее виду, она подумала: «Ну, раз мои дети съели целый торт после того, как отец сообщил им о разводе, значит, они не слишком огорчены».

Но это неправда. Я, по крайней мере, очень огорчена. И никогда бы не подумала, что смогу в такой ситуации смолотить три куска шоколадного торта! Объяснить самой себе, как мне это удалось, я тоже не могу. Единственное, что приходит в голову по этому поводу, – это изречение нашей Бабушки, которое процитировал Ани, когда мы печально поедали торт: «Кто слез на хлеб свой не ронял, тот в жизни хрен что понимал!» [3]

И еще кое-что открылось мне за последнее время. Оказывается, разлад между родителями пробуждает любовь между братьями и сестрами. Просто удивительно: пока у нас дома все было более-менее нормально, мои братья – и маленький, и постарше – ужасно действовали мне на нервы, и я частенько мечтала, как замечательно было бы быть единственным ребенком. А еще чаще клялась в скором времени собственноручно удавить обоих! Но с тех пор как между родителями разгорелась война, я все больше и больше люблю моих братьев. В несчастье мы стали настоящими товарищами.

Пропади пропадом эти деньги Рассказывает Ани

Я часто корил сестру за то, что она носит розовые очки, и считал, что их обязательно нужно снять. Но, похоже, я и сам не менее далек от реальности. Как бы это поточнее объяснить... В общем, у меня в мозге как бы два этажа, верхний и нижний. На верхнем этаже мозгу все было ясно с тех пор, как папа ушел, прихватив с собой чемодан: отец нас бросил, он любит Рыбу Вильму, скоро мама подаст на развод!

Однако на нижнем этаже мозг все время нашептывал совершенно другое: вдруг все не так уж плохо, папа ведь может разругаться и с Вильмой, папа ведь может сказать себе, что жизнь с детьми ему дороже всего остального! И что на самом деле он по-прежнему любит маму!

Каждый день, придя из школы домой, я незаметно открывал шкаф в коридоре и смотрел, там ли еще папины шмотки. И всякий раз успокаивался, увидев длинный ряд брюк и пиджаков, а внизу много-много пар обуви. Один мальчик из нашего класса однажды на перемене рассказал, что его отец по три раза в год уходит из дома, а через несколько недель всегда возвращается обратно. Это меня немного утешило.

«Ведь от этих взрослых никогда не знаешь, чего ждать, — нашептывал мне мозг на нижнем этаже, — они часто ведут себя странно и необъяснимо!»

Я, конечно, ничего не рассказывал Карли про свои надежды «из нижнего этажа». То, что я говорю другим, всегда исходит из верхнего этажа моего мозга.

Но недавно произошло вот что: мы с Карли вернулись из школы домой к обеду. У нашей входной двери Карли стала показывать мне, как Вуци, целуя ее, вывихнул ногу.

Вуци и Карли, кстати сказать, уже давно превратили свою дружбу в любовную связь. И демонстрируют это непрерывным лизаньем.

А с вывихнутой ногой получилось так: Вуци на прощанье целовал Карли у нашей входной двери, стоя на самом краю ступеньки. От неистовости моей сестрицы он пошатнулся и оступился, Карли рухнула на него, и вся тяжесть сестры — а она отнюдь не пушинка — припала на левую лодыжку Вуци.

Пока Карли изображала этот замечательный несчастный случай, дверь отворилась. На пороге стояла мама. Одетая, как на похороны дальнего родственника. Раньше такого никогда не бывало — мама дома в обеденное время. Да еще в такой одежде!

Тут верхний этаж моего мозга сказал нижнему: «Да пойми же, наконец, что папа и мама мириться уже не будут. Потому что они только что развелись!»

И нижнему этажу только и оставалось, что согласно кивнуть верхнему.

Мама приготовила нам роскошный холодный обед. Пока мы шли на кухню, я сообщил Карли, какой вывод сделал верхний этаж моего мозга. И Карли набросилась на маму. Конечно, только на словах. Она страшно возмутилась, что мы узнаем о разводе задним числом. Моя сестра явно вообразила, что нас — или, по крайней мере, ее — тоже должны были вызвать в суд. Понятия не имею, что она собиралась там сказать!

Может быть, вот что: «Господин судья, не давайте развода супругам Поппельбауэр, потому что мы, дети, против. А нас трое. То есть счет 3:2 против развода».

Но, как мама объяснила Карли, при разводе суд опрашивает детей, только если возникает спор, с кем дети останутся жить, а папа, «само собой», оставил нас маме.

После этого Карли разозлилась еще больше.

— Мы что, дерьмо собачье, что ли, — кричала она, — если за нас так вот просто решают! И вообще, как это можно — разводить с папой и нас тоже?!

Карли, между прочим, права. У нас всегда были хорошие отношения с папой. Хотя у него, конечно, всегда не хватало на нас времени. Но и у мамы на нас тоже не хватает времени! А когда папа был дома, с ним все было нормально. Само собой, по сравнению с тем, что другие дети рассказывают о своих отцах! (По крайней мере, так мне кажется с тех пор, как папа от нас ушел.)

Но мама почти не слушала упреков Карли. Только жалобно сказала, что нам не мешало бы спросить, каково ей сейчас. Наверно, хотела намекнуть, что ей сейчас хуже некуда. Но мне кажется — как на верхнем, так и на нижнем этаже моего мозга, — что требовать от нас этого несколько чересчур!

Предки делают что хотят, а подрастающее поколение еще и должно до слез им сочувствовать!

У Бабушки случился сердечно-сосудистый криз. Сейчас ей уже лучше, но рано утром было так плохо, что ее отвезли в больницу на скорой помощи. Когда Бабушку на носилках выносили из дома, она попросила соседку известить маму. Но глупая соседка позвонить забыла. Поэтому мама понятия не имела, что Бабушка в больнице и что Шустрика, у которого уроки заканчиваются в двенадцать, никто у школы ждать не будет.

Наверно, у Бабушки в любом случае случился бы криз, потому что ежедневные поездки туда-сюда, забирание Шустрика из школы и его доставка домой ей уже не по силам. Но кто же теперь позаботится о Шустрике? Бабка, слава богу, с нами разведена. Мама с утра до вечера пропадает в вязальном магазине. Мы надеялись, что Тереза-Шарлотта по возвращении из Америки снова возьмет на себя послеобеденную смену, но напрасно. Она теперь влюблена в хозяина какого-то ресторана. Помогает ему на кухне панировать шницели и делать салаты. Маме Шарлотта сказала, что шерсть стоит ей поперек горла и она видеть ее больше не может!

Но мама хочет сохранить свою лавочку. Потерять сначала мужа, а сразу после этого еще и магазин – это было бы для нее слишком. Вот она и торчит там с утра до вечера, а нанять помощницу не может, поскольку дела в магазине идут не блестяще. У нас с Карли в школе гораздо больше уроков, чем у Шустрика. А подолгу оставлять его дома одного нельзя, он якобы еще слишком мал. На самом-то деле не «якобы», а действительно мал, мы уже выяснили, что оставлять Шустрика без присмотра не стоит.

Он включает электроплиту и забывает ее выключить. Хочет пойти купить себе карандаш, выходит из дома, захлопывает за собой дверь и только тут вспоминает, что забыл взять ключи. Или на обратном пути из школы приглашает к себе четверых незнакомых детей, и они устраивают такой тарарам, который мы с Карли, вернувшись из школы, не можем разгрести и за четыре часа. А попутно выясняем, что пропали несколько игрушек Шустрика и двадцать шиллингов с моего письменного стола! Пару раз Шустрик всю вторую половину дня проводил у мамы в магазине. Но там ему нечем заняться, кроме как сидеть на вертящейся табуретке и учиться вязать!

В общем, сегодня, когда Шустрик вышел из школы, его никто не встречал. На такой случай мама велела ему ждать четверть часа, а потом, если все-таки никто не придет, позвонить ей. Для этого у него всегда был с собой пластиковый кошелек с двумя монетками по шиллингу. Шустрик послушно ждал, а потом решил позвонить. Но телефон в будке у школы не работал, а следующий находился довольно далеко, около почты. Путь от школы до почты такой же длинный, как и путь к нам домой. Поэтому Шустрик решил пойти домой и позвонить маме оттуда. Сэкономив заодно телефонный шиллинг.

Он дошел до дома, хотел открыть входную дверь и увидел, что она не заперта, а только прикрыта. Шустрик подумал, что я или Карли вернулись домой раньше времени. Вошел в дом и позвал нас, но никто не ответил. И тут Шустрик испугался. «Наверно, – подумал он, – в доме взломщик». Я бы на месте Шустрика тут же побежал к соседям и все им рассказал. Но наш клоп, по-видимому, неразумно храбр. Он двинулся в гостиную и увидел, что дверь в сад открыта. А в саду наш папа разговаривает с какой-то семейной парой. Сперва Шустрик вздохнул с облегчением, но потом услышал, как папа поворит: «Я вам прямо скажу, это никакой не санаторий.

Здесь живут обычные семьи и производят обычный семейный шум!» Папа сказал так, потому что из соседнего дома слышалась музыка, которая показалась посетителям чересчур громкой.

Шустрик не мог понять, зачем папа показывает супругам наш сад, и поэтому остался в гостиной и стал слушать дальше. Малец уже успел смекнуть, что «шпионажем» можно выяснить больше, чем прямыми вопросами.

Когда папа и посетители вернулись в гостиную, Шустрик проскользнул в свою комнату и стал внимательно слушать дальше. Он узнал, что папа хочет продать этим супругам наш дом, и от этого так расстроился, что забыл позвонить маме. Лег на кровать и заревел. А папа ушел вместе с посетителями и даже не заметил, что Шустрик дома.

Через некоторое время Шустрик прекратил реветь, посмотрел на часы и сообразил, что Карли и мне уже пора бы прийти из школы. Но мы вместе с Вуци сидели в кондитерской. Вуци и я хотели уговорить Карли не опускать руки и продолжать учебу. Она теперь просто вообще ничего не учит и твердо убеждена, что, само собой, останется на второй год и учиться ей сейчас совершенно бесполезно. Я попытался объяснить сестре, что именно таким ученикам, как она, которые не любят ходить в школу, не нужно добровольно продлевать это дело еще на один год. Но все было бесполезно! Карли закрылась, словно устрица. Тогда мы прекратили заседание в кондитерской, и Вуци проводил нас домой. Мы не торопились, потому что думали, что Шустрик у Бабушки. До дома оставалось уже совсем немного, и тут он вдруг выбежал нам навстречу. Клоп был совершенно вне себя и едва мог говорить. Прошло довольно много времени, пока мы уразумели, что же он хочет нам рассказать. Карли решила, что Шустрик просто несет вздор. Я был склонен согласиться с ней, но Шустрик постепенно успокоился и рассказал нам подробно и точно, о чем папа разговаривал с посетителями.

Сомнений быть не могло! Когда муж заявляет: «До следующего понедельника мы решим, покупаем ли мы дом», а жена говорит: «Половину суммы мы можем заплатить сразу, а под оставшуюся половину нам надо взять кредит», речь явно идет о покупке дома. Просто невозможно предположить, что именно в нашем доме ведется разговор о продаже какого-то другого дома! Когда нам все это стало ясно, мы поехали к маме в магазин. Мы, наивные простофили, верили, что мама понятия не имеет о том, что папа хочет продать наш дом! Но это было не так!

— Мы обсудим это сегодня вечером, — сказала мама. Однако Карли не была готова ждать так долго.

— Мы не позволим отнять у нас еще и наш дом, — сказала она. — И хотим все знать прямо сейчас!

Маме хотелось поскорее отделаться от нас, потому что в магазине была какая-то покупательница. Мама сказала, что при ней она не может обсуждать такие вещи. Карли сказала, что ей по фигу, кто нас слушает.

А я сказал, что мы не уйдем, пока не разберемся, что к чему. Мама хотела нас успокоить и сказала, что, само собой, пока вообще ничего не решено. И в данный момент ничего еще не продано! Но мы все равно не сдавались, и тогда мама дала нам какую-то папку. «Если вам нужна информация, — сказала она, — то здесь вы найдете все, что нужно».

В папке были всякие счета, банковские бумаги и прочий бюрократический хлам. А еще несколько листочков, написанных маминой рукой, о том, как обстоят дела с нашим домом. И вообще с нашими финансами! Ни Карли, ни я не могли с налету разобраться в этой мешанине. Карли взяла папку под мышку, и мы вместе с Шустриком поехали домой. Я позвонил Вуци и позвал его к нам, чтобы вместе проинспектировать содержимое папки. От Карли в этом деле не было никакого толку, она погрузилась в меланхолию.

– К чему изучать эти дурацкие цифры, – сказала она, – все равно ведь ничего не изменишь.

Мне было ясно, что и я не сумею ничего изменить. Но меня возмущает, что папа с мамой держат меня за дурака и ни о чем не информируют! И я просто обязан во всем разобраться, раз уж представилась такая возможность.

Приковылял добрый верный Вуци. Нога у него была все еще забинтована из-за несчастного случая при поцелуе на ступеньках. Мы уселись в саду и стали изучать бумаги. Итак: есть большой кредит на дом и два маленьких. Каждый месяц мы выплачиваем по кредитам, и суммы довольно небольшие. В основном это проценты, так что общая сумма нашего долга банку становится только чуть-чуть меньше. А еще нужно оплачивать расходы на содержание дома, электричество, газ и отопление. И за свою машину мама не все выплатила, тоже надо каждый месяц перечислять очередной взнос. А еще есть кредит на вязальный магазин, плата за его аренду и отопление. И огромное количество неоплаченных счетов за шерсть. И крыша нашего дома нуждается в ремонте. В общем, с финансами мы просто вообще в полной заднице!

Даже нижний этаж моего мозга не видел ни малейшего проблеска надежды!

А потом я свалил жуткого дурака. К нам в сад пришла Карли и принесла кока-колу и стаканы. Тут я вспомнил, что у нас в холодильнике лежит бутылка шампанского, и принес ее. Умный Вуци был категорически против, но я решил, что надо устроить «праздник со знаком минус». Года два назад папа принес эту бутылку, когда в очередной раз хотел помириться с мамой. Он поставил бутылку в холодильник, но пока она там охлаждалась, папа с мамой снова начали ссориться, и шампанское так и осталось не выпитым. Я решил, что сейчас оно пойдет нам на пользу. Ведь то и дело слышишь, что такое шипучее вино невероятно поднимает настроение!

Но это неправда! По крайней мере, в отношении моей сестры. Шампанское, по-видимому, усиливает уже имеющееся настроение. Веселые люди от него еще больше веселеют, а грустные – грустнеют. Карли и без того уже грустила, так как поняла, что в новых семейных обстоятельствах нам больше не по карману жить в отдельном доме. На алименты, которые мы получаем, и на те деньги, какие мама зарабатывает на вязальном магазине, целый дом себе не позволишь. А папа не сможет платить нам более высокие алименты, это ясно. Причем не из жадности, папа никогда не был жадным. Просто сейчас и ему нужны деньги на новую квартиру, и на мебель, и на все, что называют «домашним хозяйством». Но для того, чтобы две семьи жили в полное свое удовольствие, он зарабатывает недостаточно.

Нам с Вуци шипучка не очень понравилась, мы ее едва пригубили. А вот Карли нализалась крепко, и в голове у нее стали возникать дикие идеи. Она решила, что от нашего дома нужно отгородить стеной пятую часть и предоставить эту часть папе. По ее мнению, это было бы справедливым и экономичным решением. Не знаю, подумала ли Карли, что в этой пятой части наверняка будет плавать еще и Рыба Вильма. Спросить сестру об этом я не мог, потому что она, быстро выпив почти всю бутылку шампанского, совершенно скисла. От нее ничего толком нельзя было добиться, кроме невнятных всхлипываний. Мы с Вуци перетащили ее из сада в дом и уложили в кровать. Там она сразу и захрапела.

Вечером, когда мама вечером вернулась домой, она увидела пустую бутылку и, конечно, заметила, что Карли не больная, а пьяная. Она вздохнула и сказала:

– Господи, только не начинайте еще и вы создавать мне проблемы!

Мы? Ей?! Конечно, можно и с такой стороны посмотреть! Это меня так рассердило, что я огрызнулся на маму:

— Ну прости, что я вообще на свет появился!

В ответ она сказала, что мне незачем за это извиняться, она очень рада, что я есть, она меня ужасно любит и не хотела бы меня лишиться. И что я должен относиться к ней терпеливо.

— Я терпеливо отношусь к тебе с тех самых пор, как появился на свет, но это терпение потихоньку заканчивается! — сказал я.

Позже мне стало стыдно за свои слова. Я пошел к маме и попросил прощения. А она сказала, что понимает, когда дети злятся на таких родителей, как наши. Но я на маму больше не злюсь. Когда я вижу, как она горбатится над этими дурацкими свитерами, чтобы заработать побольше денег, мне становится ее ужасно жаль. С раннего утра и до позднего вечера она только и делает, что работает. Разве это жизнь?

Мама сняла для нас квартиру. В том же доме, где вязальный магазин. Она считает, что эта квартира самое оно, «попадание в яблочко». Потому что плата доступная, а еще потому, что достаточно спуститься по лестнице вниз — и ты уже в магазине.

И теперь Шустрик после обеда может оставаться один в новой квартире. Если ему понадобится помощь, мама всегда рядом.

На самом деле мама, найдя эту квартиру, попала не столько в «яблочко», сколько в меня. И поразила мой главный жизненный нерв. В этой квартире всего-навсего три комнаты — одна большая и две маленькие. Одна маленькая комната нужна маме, другую требует себе Карли. А мы с Шустриком должны вместе поселиться в большой.

Жить в одной комнате с Шустриком — этого я не выдержу! Я по-настоящему, по-честному человек просто вообще без претензий. Я готов урезать свое питание до сухого хлеба и обезжиренного молока, а шмотки покупать в секонд-хэнде. Я могу отказаться от всего, даже от покупки книг, потому что существуют библиотеки. Но я настаиваю на собственной комнате, где можно побыть одному! Я хочу читать в тишине и покое, хочу иметь возможность закрыть дверь перед нашим домомучителем и остаться наедине с самим собой. Не желаю все время слышать: «Почему в сутках ровно 24 часа?» Или: «Почему Карли не хочет, чтобы Вуци хватал ее за грудь?» Или: «Ани, поиграй со мной, мне так скучно!»

Но даже если заклеить ему рот пластырем, толку не будет. Малец для меня просто вообще слишком бойкий. Если он не спит, то ни минуты не сидит спокойно. Прыгает, и скачет, и ходит колесом, и пинает мячик, и упражняется в стоянии на голове. А ночью храпит, потому что у него в носу полипы!

Я точно знаю, что в одной комнате с ним жить не смогу. Но Карли убедила маму, что ей еще меньше подходит жить вместе с Шустриком.

И от Шустрика, сказала она, этого тоже нельзя требовать. Для его психики будет вредно, если ему придется непрерывно смотреть, как его сестра обнимается и целуется с Вуци. Вдобавок Карли выдвинула аргумент, что во всех семьях, где нет отдельной комнаты для каждого ребенка, принято разделять детей по признаку пола. Если бы Шустрик был девочкой, сказала Карли, она взяла бы его к себе. Ха! Если бы Шустрик был девочкой, она наверняка нашла бы другие аргументы против него!

Мама тоже не может взять Шустрика к себе, потому что часто до полуночи вяжет, и сшивает детали свитеров, и украшает их вышивкой. У нее Шустрик не смог бы заснуть.

Я все это понимаю. Но почему именно мои аргументы против Шустрика весят меньше, чем доводы мамы и Карли, — этого я понять не могу!

Я знаю, у других семей бывают и гораздо меньшие квартиры. Наша бывшая помощница по хозяйству жила с мужем и двумя детьми в однокомнатной квартире. Там ни у кого не было собственной комнаты. Муж этой женщины работал ночным портье в какой-то гостинице, и ему приходилось спать днем, а дети в это время сидели на кухне и разговаривали друг с другом шепотом. И я все время твержу себе: не корчи из себя принца, не веди себя как избалованный ребенок! И еще внушаю себе: кто знает, может быть, все это только временно, может, мама скоро найдет квартиру попросторнее, и мы снова переедем! Но это не помогает. Ну нисколько.

Я всю ночь не спал и принял решение, но пока не знаю, смогу ли воплотить его в жизнь. Теперь все зависит от папы! Он ведь сказал, что всегда придет на помощь, если у нас возникнут трудности и мы будем нуждаться в нем! Мне очень интересно, действительно ли папа так поступит. В пять я буду ждать его перед офисом. Заранее звонить не стану. Чтобы он не смог подготовиться. Хочу посмотреть, как он спонтанно отреагирует на мое предложение.

Вчера, ровно в пять, я занял пост у входной двери папиного офиса. Тут же подкатила Рыба Вильма, припарковала машину, вышла и закурила сигарету в ожидании папы. Ситуация получалась глупая. Вильма косилась на меня, я косился на нее. Я уж хотел было обратиться в бегство, потому что подумал: в ее присутствии я, само собой, просто вообще не смогу сказать папе все, что хочу ему сказать.

Но тут Рыба Вильма подошла ко мне и спросила:

— Ты ведь Ани, правда? — Потом сказала: — А я Вильма. Тебе, наверно, это известно? Глупо делать вид, что мы друг друга не знаем!

Мне не оставалось ничего другого, кроме как кивнуть. А Рыба Вильма продолжала:

— Может, ты хочешь забрать Райнера? Если тебе нужно побыть с ним наедине, тогда я отчаливаю. Ничего страшного, честно!

И пустилась рассказывать, что хотела съездить с папой посмотреть мебель, потому что они только что сняли необставленную квартиру. Но поход в магазин можно спокойно отложить до завтра. Хотя все-таки было бы здорово, если бы я пошел с ними, потому что по части мебели папа полный ноль. А Вильме очень пригодится хороший советчик.

Вильма щебетала свободно и непринужденно, как будто мы старые друзья. Так что у меня не было причин выпускать колючки. Я попробовал было ошетиниться, но не вышло: эта женщина, несомненно, очень обаятельна. Мы проговорили минут десять, пока ждали папу. Еще чуть-чуть — и Вильма могла бы вить из меня веревки. И тогда я подумал: то, что мне нужно сказать папе, в определенном смысле касается и Вильмы, поэтому будет даже лучше, если я скажу ему все при ней!

Папа обрадовался, как слон, когда вышел из офиса и увидел, что его любимый сынок и столь же любимая подружка стоят рядом и мирно беседуют. И сразу же согласился поехать смотреть мебель. Но было уже десять минут шестого, то есть до закрытия магазинов оставалось меньше часа. Я сказал, что для спокойного выбора времени маловато. И что я мог бы помочь Вильме завтра или послезавтра. И неплохо бы посмотреть саму квартиру, потому что мебель должна подходить к помещению. Папа и Рыба Вильма согласились. Мы сели в машину Вильмы и поехали к новому папиному местожительству, которое расположено, как говорится, «в приличном районе».

Пустые квартиры всегда кажутся намного больше, чем набитые мебелью, но даже если учесть этот оптический обман, новая папина квартира по части площадей просто роскошна. Я инспектировал ее не столько на предмет обстановки мебелью (в этом я, само собой, просто вообще ничего не понимаю), сколько затем, чтобы выяснить: осуществимо ли то, о чем я хотел сказать папе. Да, осуществимо! Рыба Вильма, показывая мне комнаты, совершенно невзначай открыла одну из дверей и сказала:

— В этой комнате мы пока жить не будем, столько пространства нам не нужно. Будем использовать ее как кладовку.

«Вот это да», — подумал я и отправился к папе, который отдыхал на разложенном на полу матрасе.

Я подсел к нему и сказал напрямик:

— Папа, у тебя одна комната лишняя, а у мамы — одной комнаты не хватает. Можно мне переехать к тебе?

Услышав мой вопрос, папа резко принял вертикальное положение и в полном ужасе уставился на меня. «Черт, — подумал я, — он не захочет!»

Но папин ответ прозвучал искренне:

— Ани, я буду рад, если ты станешь жить у нас!

И Рыба Вильма, которая пришла вслед за мной, сказала:

— И я тоже, правда!

— Но это, — продолжал папа, — совершенно не устроит твою мать. Она это просто запретит. В конце концов, суд постановил, что ты будешь жить с ней.

— Я все улажу, — сказал я.

— Ничего ты не уладишь, — ответил папа. — Я твою мать знаю дольше, чем ты. Поверь! Сначала мне придется пойти в суд и оспаривать родительские права на тебя!

— Ну так сделай это, — попросил я.

Папа почесал голову и вздохнул. Было видно, что он не горит желанием идти из-за меня в суд.

— Вот что, Райнер, — сказала папе Вильма. — Если Ани думает, что сможет уговорить свою мать, пусть попробует. Что ж ты так сразу в пессимизм впадаешь! И вообще! Все можно сделать дипломатично.

Никто не запретит тебе обставить для сына комнату в нашей квартире. Когда и как часто он будет сюда приходить, выяснится уже потом!

— Ну если так, — сказал папа, — то можно попробовать...

Но я против! В конце концов, я хочу переселиться в эту комнату, чтобы жить в мире и покое. Чтобы вечером можно было спокойно почитать перед сном. Или, если мне захочется, устроить в полночь праздничный ужин на одну персону, из мюсли и какао. Я не желаю ночевать то тут, то там, мне нужно постоянное место.

Вильма сказала:

— Это ведь только для начала. Чтобы твоя мама постепенно привыкла к твоему отсутствию.

Но я не собираюсь переползать в папину квартиру постепенно. Слишком уж это утомительно и трудно. И потом, почему именно я должен считаться с чувствами моей маменьки? А она, спрашивается, подумала о моих чувствах, когда решала, кому в какой комнате жить? Нет! О'кей, она не могла поступить иначе! Я понимаю. Но я тоже не могу иначе. О'кей? Пусть и она поймет!

Папа повез меня домой. Было заметно, что он не в своей тарелке. Перед тем как выйти из машины, я сказал:

— В общем, я все улажу. Тебе не нужно ничего делать, просто открыть мне дверь, когда я приду с вещами!

Теперь нужно обдумать, когда сообщить маме, что я не поеду с ней на новую квартиру. Пока можно и подождать. Мы все еще живем в нашем доме. Новая квартира пока не готова, там нужно менять проводку и красить стены. Лучше всего, наверно, объявить все маме в самый последний момент. Чтобы она заранее не ругалась с папой. Ведь папа может в два счета пойти на попятную! Или мама примет какие-нибудь контрмеры! Я, правда, не знаю, какие, но осторожность не помешает. Само собой, я просто вообще жутко боюсь этого разговора, и неудивительно, что мне хочется его оттянуть.

Нелегко оставаться хладнокровным, когда покидаешь место, где родился и вырос. Сантименты не захлестнули меня с головой только потому, что мне предстоял тяжелый разговор с мамой. Из дома уже вынесли почти все вещи, когда я наконец сказал:

— Мама, мне нужно с тобой поговорить!

— О чем? — спросила она, помогая Шустрику завязывать мешок с игрушками.

Хотя я заранее точно обдумал, что скажу и как скажу, но неожиданно не смог произнести ни звука. У меня пропал голос! Мама сказала:

— Если ты опять насчет комнаты, тут уж ничего не поделаешь! — И еще: — Может, через год-другой переедем в другую квартиру, если магазин будет приносить больше денег!

Если магазин будет приносить больше денег! Вот это уже совсем не смешно. Магазинчик болен с самого рождения, и если он через год-другой не отдаст концы, это будет чудо! Со злости на эти пустые обещания я снова обрел голос и сказал, что переезжаю к папе. И что Вильма не возражает. И что от папиной квартиры ближе до школы (на самом деле для меня это совершенно не важно).

Мама спросила, всерьез ли я это говорю, и села на огромный пластиковый пакет с игрушками Шустрика. Под ее весом мешок сильно осел, потом с треском лопнул, и из него посыпались погнутые и помятые игрушки. Шустрик зарыдал и стал орать, что «противная мама» поломала его «любимые вещи».

Мама встала с мешка, схватила телефон и побежала на кухню. От волнения она запуталась в длинном телефонном шнуре и чуть не упала, но удержалась на ногах и с грохотом захлопнула за собой кухонную дверь. Правда, все можно было легко услышать и через пять закрытых дверей, так громко орала она на папу. А Шустрик, само собой, вообще ничего не понял и снова начал вопить, что мы все гадкие и противные. У меня, честное слово, не хватило духу объяснить ему, что к чему. Я взял свою заранее собранную дорожную сумку и ушел. Карли проводила меня до остановки трамвая. Для нее мое решение не было неожиданностью, мы обсуждали его несколько дней. Карли всякий раз говорила, что мама меня не отпустит. Она и сейчас не изменила своего мнения и на остановке сказала мне:

— Мама будет бороться за тебя, как львица. Спорим, самое позднее послезавтра ты снова будешь у нас?

— С тобой я больше не спорю, — ответил я. — Ведь ты все равно не платишь, когда проигрываешь!

Тут подъехал трамвай, и я сел в него. Карли осталась на остановке и помахала мне вслед.

На прощанье она хотела поцеловать меня в щеку. Но ей это не удалось, потому что я быстро отдернул голову. Во-первых, между Карли и мной поцелуи, само собой, просто вообще не приняты, а во-вторых, сейчас она не должна так себя вести! Сначала отнимает у меня комнату, а потом, надув губы, изображает боль разлуки!

Если уж ей так важно, чтобы я остался с ними, могла бы взять Шустрика к себе! А с Вуци обниматься еще где-нибудь... Ну да хватит об этом, сестринская любовь тоже ведь не безгранична.

Моя новая жизнь началась хорошо и, кажется, не обещает ничего плохого. У меня есть все что нужно и сколько угодно свободы. Утром Вильма на машине отвозит меня в школу. Она работает совсем близко от нашей школы. Но все равно это очень мило с ее стороны, потому что работа у Вильмы начинается только в половине девятого. А из-за меня она приходит на полчаса раньше. Но никакого шума по этому поводу не устраивает, сказала только:

— Буду и уходить на полчаса раньше, тоже неплохо!

Всю вторую половину дня в квартире стоит мертвая тишина. Никакого хнычущего Шустрика, никакой музыки из комнаты Карли. Замечательное ощущение! Я здесь уже три дня, и мы каждый вечер ходим в какой-нибудь итальянский ресторан.

И никакая мама не врывается в полночь ко мне в комнату и не верещит: «Ани, сейчас же прекрати читать, иначе не выспишься!»

Сегодня утром Вильма, как всегда, довезла меня до школы. Я вышел из машины и тут же заметил Паули, который во все глаза тарачился на Вильму.

— Кто это? — спросил он меня. — Это же не твоя мама, верно?

— Просто одна подружка, — ответил я. Потому что у меня нет ни малейшего желания трезвонить на всю школу про изменения в моей жизни.

— Твоя подружка? — пролепетал он, совершенно сбитый с толку.

Во дает! Я же совсем не это имел в виду! С чего он взял, что у меня есть подружка? Да еще такая! Ладно, Вильме только двадцать восемь, а выглядит она еще моложе. Ей легко можно дать года двадцать два — двадцать три. А

через ветровое стекло так вообще лет двадцать. Но все равно это просто бред! На большой перемене Паули шептался с одноклассниками, они качали головами, должно быть, не верили ему.

Тогда Паули громко, чтобы я тоже мог слышать, сказал:

— Да я все видел собственными глазами! Классная чувиха!

Завтра утром этот идиот увидит собственными глазами нечто еще более классное! Завтра я на прощанье подарю Вильме нежный поцелуй! Чтобы Паули снова было, о чем пошептаться!

После школы мы с Вуци и Карли пошли в кондитерскую. Мне хотелось выспросить у Карли подробности разговора папы и мамы. Я знал, что они встречались в кафе, но папа сообщил мне только, что мама «пока что» согласна с моим временным местожительством. Больше он ничего не сказал, хотя я и дожимал его расспросами. Я думал, что мама наверняка рассказала Карли об этом разговоре. Но сестру переполняли собственные переживания, так что выяснить мне ничего не удалось. Дела у бедного поросенка действительно идут хуже некуда. Во-первых, уже ясно, что ей придется либо остаться на второй год, либо пересдавать два экзамена. Для Карли это что в лоб, что по лбу, две переекзаменовки осенью ей никак не осилить!

У моей сестры голова просто не приспособлена к учебе. Не буду хвастаться, но она необразованней, чем я, который на три класса ее младше.

Во-вторых, ей приходится каждое утро ездить в школу вместе с Шустриком и всю дорогу в набитом трамвае терпеть его нытье.

В-третьих, теперь ей часто приходится сидеть с Шустриком по вечерам. В этом, правда, ей помогает Вуци. Мама ведь вечером уходит. С неким доктором Цвикледером. Он консультирует маму насчет налогов, но Карли думает, что речь тут идет о чисто личных делах. Потому что налоги такой лавчонки, как у мамы, незачем обсуждать во всех деталях по три раза в неделю. Карли эти вечерние встречи не по душе. Не в принципе, а просто потому, что ей не нравится Цвикледер.

В-четвертых, мама, когда она дома, все время хмурая и печальная. Чтобы заснуть, она принимает две таблетки снотворного. Иначе тяжелые мысли о магазине не дают ей расслабиться. А Тереза-Шарлотта, как сказала Карли, больше знать ничего не хочет о шерсти и вязании и требует назад деньги, которые она внесла в дело. И она имеет на это право, потому что так составлен договор, заключенный между ней и мамой!

В общем, как ни крути, дело дрянь! Но это еще не повод, чтобы Карли с ненавистью смотрела на меня и говорила: «А ты вовремя почувял, что к чему, и успел смыться!»

Ну вот, приехали! Сначала прогоняют меня, игнорируя мои самые насущные потребности, а потом утверждают, что я удрал сам, по чисто эгоистическим соображениям! На самом деле я — чистый финансовый плюс в мамином бюджете, потому что папа все равно переводит маме столько денег, сколько было решено при разводе, а судья включил в эту сумму и расходы на меня!

Я только хочу знать, думает ли мама так же, как Карли. С тех пор, как я ушел из нашего опустевшего дома, я маму больше не видел.

Вчера я решил зайти в вязальный магазин. По мнению Вильмы, мне не стоит уклоняться от встреч с мамой. У мамы, сказала она мне, жизнь тяжелая. А то, что она — хорошая, понимающая женщина, заметно уже по тому, что она

не стала тащить меня к себе назад силой. А вполне могла бы, считает Вильма. Но мама не сделала этого, потому что любит меня.

Кстати, о любви! Любовь папы и Вильмы что-то не слишком похожа на медовый месяц воркующих голубков. Я живу здесь всего неделю и уже не раз чувствовал приближение кризиса в их отношениях, дважды они даже слегка поругались! Вильма отнюдь не такая терпеливая, как наша мама. Если ее в папе что-то не устраивает, она сразу же весьма темпераментно сообщает ему об этом. Папа сказал мне, что они с Вильмой должны сначала притереться друг к другу и научиться спорить цивилизованно. Они ведь живут вместе только с тех пор, как переехали на эту квартиру. Встречаться вечером, а в полночь снова расставаться, сказал он, гораздо легче, чем по-настоящему жить вместе.

А Вильма сказала мне, что за несколько недель, прожитых в новой квартире вместе с папой, она открыла в нем черты, о которых и не подозревала все три года их знакомства. Судя по тону, эти черты ее не очень-то обрадовали. Я сильно удивился, узнав, что они с папой «близко» знакомы уже три года, и сказал об этом Вильме. После этого мы долго говорили о ее отношениях с папой. Бедная Вильма испытывает сильнейшее чувство вины перед мамой. Она заверила меня, что целый год не поддавалась на папины ухаживания, потому что не хотела ставить под удар семью с детьми. И только когда ей стало ясно, что брак моих родителей все равно дышит на ладан, она перестала испытывать угрызения совести.

Но вернемся к маме и к моему визиту в магазин.

Я подождал перед магазином, пока внутри не осталось покупателей. Ждать пришлось довольно долго, потому что эти дуры-клиентки не просто покупают пару клубков шерсти, они еще листают журналы по вязанию, просят маму нарисовать им выкройку и объяснить, как вязать узор. Так может продолжаться целую вечность. Наконец магазин опустел, и я вошел внутрь. Мама старательно делала вид, будто между нами ничего не произошло и все супер-о'кей. Я отвечал тем же. Потом из квартиры в магазин спустился Шустрик, который никак не мог справиться с задачей по арифметике. Я объяснил ему решение, а когда закончил, в магазине снова была покупательница. А вслед за ней приперлись еще две. Тогда я ушел, потому что не имело никакого смысла сидеть там и смотреть, как мама растолковывает им вязание узоров. Но теперь, по крайней мере, я точно знаю: мама на меня не сердится!

Папа – очень хороший человек. И Вильма – очень хороший человек. Но еще, глядя на папу и маму, я понял, что два хороших человека не обязательно будут гармонировать друг с другом. И с каждым прожитым здесь днем мне становится все яснее: из папы и Вильмы тоже не получается гармоничной пары. В первые вечера после моего переезда они великолепно владели собой, но теперь, когда, так сказать, снова настали будни, они этим больше не утруждаются. А пьесу, которую они разыгрывают, я выучил еще дома. И в некоторых сценах вполне мог бы суфлировать!

Папа говорит: «Ну, главное, у мадам есть причина поворчать!»

Вильма говорит: «А чего ты злишься? Посмотри хоть раз в зеркало на свое лицо!»

Папа говорит: «Мое лицо – это мое личное дело!»

В этом месте, если бы Вильма забыла текст, я мог бы продолжить: «Но только до тех пор, пока я не обязана на него смотреть!»

А потом папина реплика: «Ладно, могу уйти, раз тебе мое лицо мешает!»

И еще раз за Вильму: «Ну, здорово! Нашел наконец причину для ухода!»

И вот я теперь думаю: что же я могу вынести из этих новых наблюдений за семейной жизнью?

Что все мужчины и женщины, когда ссорятся, употребляют одни и те же слова? Или что мама с Вильмой – психологические близнецы?

Наверно, мне надо испробовать затычки для ушей! Но они страшно раздражают. Однажды, еще дома, я заткнул уши затычками, потому что Карли на всю громкость врубила романтическую попсу, прямо как на стадионе. Затычки, конечно, заглушают окружающие шумы, зато человек начинает очень хорошо слышать самого себя, а это ужас как противно. Во мне что-то стучало и шуршало, тикало и шелестело, звенело и ворчало. Наша Бабушка, которая всегда спит с затычками, потому что живет на шумной улице, сказала, что это пройдет, это только сначала трудно, а через несколько дней я привыкну к своим внутренним шумам и перестану их слышать. Но тогда я бы и Шустрика выдержал! И можно было не переезжать к папе и не расстраивать маму до такой степени.

Мало-помалу мне все это начинает надоедать! Полчаса назад вернулся домой папа, десять минут назад – Вильма. И что мы имеем? Ну, догадались? Правильно, ссору! Потому что Вильма позвонила папе в офис и попросила его по дороге домой купить колбасы и пива, поскольку ей пришлось задержаться сверхурочно. Папа отказался идти в магазин и еще возмутился, что ему придется ехать домой на трамвае. Дело в том, что обычно Вильма заканчивает работу раньше папы и заезжает за ним на своей машине. Они оба считают своим долгом беречь окружающую среду и не загазовывать понапрасну воздух двумя машинами.

Вильма как молния ворвалась в квартиру и сразу предложила всесторонне обсудить папино поведение. Но папа сказал только:

– Да не нервничай ты так! Пойдем лучше в ресторан. Ну такой уж я, не люблю ходить по магазинам.

– Да уж! Ты настоящий мачо, черт возьми! – прошипела Вильма.

Папа в очередной раз сказал:

– Ну, главное, у мадам снова есть причина поворчать!

За этим последовали «кислое лицо» и «личное дело», которым является кислое лицо, а потом – что он мог бы уйти, если ее не устраивает его лицо, а потом – как это здорово, что он наконец нашел причину для ухода.

И тут папа ляпнул:

– Ну ты, корова, да послушай меня хоть разок!

Те же самые слова, какие он сказал маме, когда они ссорились из-за меня, Бимса и вызова в школу, и с той же самой интонацией!

Вильма – просто невероятно – ответила на это:

– Послушать? Да как же можно требовать этого от коровы?!

Может, Вильма брала уроки у моей мамы?

Не мало-помалу, а безумно быстро мне все это надоело окончательно!

Последняя точка над «i» была поставлена, когда ко мне в комнату заглянула Вильма. Уже в плаще. Этим она отличается от мамы. Мама после ссоры всегда оставалась дома, подавленная и печальная, а Вильме, наоборот, хочется светской жизни.

— Ани, скажи, пожалуйста, твоему отцу... — начала она.

Но я прервал ее:

— Я вам все равно не курьер!

Скорее всего, она не поняла, что я имею в виду. Но по крайней мере подождала столько, сколько мне понадобилось, чтобы побросать в сумку самые необходимые вещи. Потом Вильма отвезла меня на новую квартиру к маме. По дороге она сказала, что ей ужасно жаль, что все так вышло. Я уверен, она сказала это всерьез. Как и то, что я могу в любое время вернуться. Даже если папа однажды уйдет, и Вильма будет жить в квартире одна. Она, по-видимому, считает такой исход возможным! Во время разговора до меня вдруг дошло, что я, по существу, поселился на квартире вовсе не у папы, а у Вильмы. Квартиру снимает она. По-моему, невероятно тактично, что она ни разу этого не подчеркнула. Если бы я это знал, то никогда бы не попросился к ним жить!

Мама чуть не заплакала, когда открыла дверь и увидела меня. Ей еще нужно было пришить рукава и воротник к какому-то пуловеру, но она махнула на это рукой и взялась печь в честь моего «возвращения на родину» бисквитный рулет.

Карли, бессовестная, объявила, что она выиграла наше пари. Хотя мы, во-первых, вовсе и не спорили, а во-вторых, я пришел добровольно, мама не тащила меня домой силой.

А Шустрик изо всех сил старается стать мне пристойным соседом. По комнате он ходит на цыпочках. Только умудряется при этом опрокинуть большую банку со стеклянными шариками. А когда ему удастся провести тихо целых две минуты, он гордо объявляет:

— Смотри, ради тебя я молчал целый час.

Серьезные намерения Рассказывает Шустрик

Мама обещала подарить мне на день рожденья роликовые коньки. Но на самом деле они мне просто вообще не нужны. Там, где мы теперь живем, перед домом на роликах не покатаешься. Там ходит слишком много людей и ездит слишком много машин. И парка, где можно покататься, поблизости нет. В том парке, который есть, дорожки посыпаны гравием. Само собой, мне просто вообще не нравится здесь жить! Во всем огромном доме нет ни одного ребенка. А детей, которые живут в соседних домах, я не знаю. И не знаю, как с ними познакомиться. Они не играют перед своими домами, как там, где мы жили раньше.

В соседнем доме есть один мальчик моего возраста. Я видел его пару раз на улице, он мне понравился. Но он прошел мимо, а на меня даже не посмотрел. Карли сказала, что мне нужно написать записку и повесить ее в соседнем доме у входа. Написать надо так:

Карли при этом так по-дурацки ухмылялась, что я догадался: про записку она говорила не всерьез.

Я здесь знаком только с одной собакой. Она всегда бегает по нашему переулку. Без поводка. Кто ее хозяин, я не знаю. Мама сказала, что собаку гладить нельзя, она может меня покусать. Но она наверняка не покусает, она уже издалека начинает вилять хвостом, увидев меня.

Самое противное в новой квартире то, что она очень далеко от моей школы. Мне приходится ездить на двух трамваях. Сначала на одном, потом на другом. Карли со мной по дороге, и мы ездим вместе. Но по утрам она всегда не в духе и твердит, что из-за меня опаздывает. Потому что на пересадке я не могу быстро добежать до другого трамвая. Вообще-то я могу бежать даже быстрее Карли, только вокруг всегда очень много людей, и они загораживают мне дорогу.

А еще Карли плохо обо мне говорит! Недавно мы пересаживались с трамвая на трамвай и встретили ее одноклассницу. Она очень милая и добрая. Она сказала Карли:

– У тебя такой прелестный братишка!

– Прелестный? – ответила Карли. – Могу одолжить тебе этого прелестного на недельку, потом окажешься или убийцей, или самоубийцей.

И Ани тоже не лучше. Теперь он снова живет у нас. Мама попросила меня вести себя тихо, когда Ани дома, и не мешать ему. Я очень стараюсь, но он вечно недоволен. Если мне совсем немножко хочется с ним поговорить, он сразу начинает ругаться и требовать, чтоб я замолчал.

А чтобы не брать меня с собой в школу – ему со мной тоже по дороге, – он уходит из дома на пятнадцать минут раньше.

Карли жалуется маме, что Ани всегда «отлынивает» и я все время «вишу у нее на шее». Но теперь они оба мне не нужны! Я могу и один доехать до школы. Я доказал это вчера.

Дело было так: утром, когда я встал, Ани и Карли еще спали. Я подумал: «Отлично, теперь ванная в моем распоряжении, и никто не прогонит меня от раковины».

Потом я умылся и почистил зубы, а они все еще были в кроватях. Я пошел к Карли и тянул ее за ногу, пока она не проснулась.

– Вставай сейчас же, – сказал я ей, – а то в школу опоздаем.

Она повернулась на другой бок и пробормотала:

– Оставь меня в покое, мне сегодня в школу не надо!

Тогда я побежал к Ани и стал тормозить его. Ани в последнее время просто вообще слегка спятил.

Уже который день притаскивает в нашу комнату всякие странные вещи. Доски, веревки, рейки и палки, одеяла и куски картона. Приволок даже старый пляжный зонт вместе с подставкой, который стоял во дворе у мусорных баков. В стене вокруг кровати Ани проделал дрелью дырки. В некоторые

дырки он ввинтил крючья. Только он не говорит мне, что же из всего этого получится.

Ани я растормошил, но он сказал, чтоб я убирался вон. Сегодня ему тоже не надо в школу. Там сегодня учительская конференция.

Потом я пошел в мамину комнату. Мама уже сидела за рабочим столиком, пришивая к пуловеру воротник. Она сказала, что ей нужно торопиться. Заказчица придет за пуловером в девять часов, как только магазин откроется. И если мама не успеет, эта дама устроит скандал.

Мама все-таки хотела отвезти меня в школу на машине. Но тогда бы она не закончила пуловер. Я сказал, что и один доеду. Потому что уже четыре недели тренировался вместе с Карли. Я пообещал маме, что буду очень-очень внимательным.

— Я найду дорогу даже во сне, — сказал я.

У подъезда мне встретила знакомая собака. Я вынул из портфеля школьный завтрак. Жалко, что мама дала мне бутерброд с сыром. Собаки обычно равнодушны к сыру, они больше любят колбасу. Я положил бутерброд возле двери. Чтобы никто не видел, как я кормлю собаку своим завтраком.

Однажды какая-то старуха заругалась на меня и сказала, что так делать грешно. Почему грешно, я не знаю. Съела ли собака бутерброд, я тоже не знаю. Днем там уже ничего не было. Но ведь бутерброд могла выкинуть и дворничиха.

Я остался без завтрака и пошел в булочную купить рогалик. Там мне пришлось ждать целую вечность, потому что взрослые всегда норовят оттеснить детей назад, а сами лезут вперед. Когда я наконец купил рогалик, было уже полвосьмого. Я пулей помчался к остановке, потому что трамвай как раз подъезжал. Я влез в него и стал около дверей, чтобы не пропустить остановку, на которой мне выходить. И не пропустил! Вышел и спустился по эскалатору вниз, а потом снова поднялся наверх, к остановке трамвая № 1.

Я, конечно, знаю, что на этой остановке останавливается не только 1-й, но и 44-й. Такая остановка называется сдвоенной. Но я об этом забыл, потому что торопился в школу и обрадовался, что на остановке уже ждет какой-то трамвай. Я сел в него, а вместе со мной вошло еще много людей, все они были гораздо больше меня, и поэтому я не увидел, что это 44-й!

Трамвай был набит битком! Меня зажали, как сардину в банке. Если бы я мог смотреть в окно, то наверняка бы заметил, что сел в неправильный трамвай. Но окно заслоняли люди, и поэтому я спросил одного дяденьку, когда же будет остановка «Дорнбахерштрассе». Тут мне и объяснили, что я еду не в том трамвае. И пропустили меня к дверям. И еще объяснили, как мне вернуться обратно. Только я не понял.

Я вышел из трамвая и просто вообще не мог понять, где нахожусь! Но я увидел, что перед одним домом стоит такси. Внутри сидел водитель. Я подошел к нему и спросил, как мне добраться до Дорнбахерштрассе. Водитель начал объяснять, и тут из дома вышел дяденька и направился к нам. Это был пассажир, которого ждал водитель. Мне ужасно повезло! Дяденька сказал, что подвезти меня до школы для него совсем небольшой крюк! И пригласил меня в машину!

К школе я подъехал как раз вовремя. Ну и вытаращились все на меня, когда я вылезал из такси! Обычно ведь такого не бывает. Я немножко

расхвастался. Просто так, шутки ради! Сказал, что мой папа оплачивает такси, чтобы я не ездил на этом дурацком трамвае! И что с сегодняшнего дня я всегда буду ездить в школу на такси!

Это я дурака сваял, ведь сегодня-то я приехал не на такси. И все смеялись надо мной и спрашивали, не кончились ли у моего папы деньги. Я сказал:

– Само собой, не кончились! Но сегодня у таксистов забастовка!

Думаю, они поверили. Но что мне сказать завтра? А, ладно! Завтра просто скажу, что на трамвае ездить веселее!

Из тех странных вещей, про которые я не понимал, зачем они нужны, Ани построил себе нору. Так он называет хижину, которая окружает теперь его кровать. Она похожа на хижины очень бедных людей в Южной Америке, которые иногда показывают по телевизору. Только те хижины из жести, а Ани построил свою из картона. Чтобы нора лучше держалась, он через всю комнату натянул шнуры и повесил к ним стены. А угловая опора – старый пляжный зонт. В стенах Ани пришлось просверлить ужасно много дырок. Потому что стены у нас плохие и часто ему не удавалось прочно вкрутить крюк в просверленную дырку. А крючья эти были нужны для того, чтобы натянуть шнуры.

Мама считает, что нора просто отвратительна, но не осмеливается сказать об этом Ани. Мне нора тоже не нравится, но еще хуже, что Ани построил ее, чтобы меня не видеть и меньше слышать. Якобы хижина почти звуконепроницаема.

А Карли сказала мне:

– Не ной, а радуйся, что он не построил эту хижину для тебя и не засунул тебя туда!

Но такого мама никогда бы не позволила! Я же не какой-нибудь кролик, которого можно засунуть в клетку!

Ну почему я не младший брат Вуци? С ним мне было бы гораздо лучше. Вуци всегда приветлив со мной. И даже помогает мне с домашними заданиями. А если я попрошу, он играет со мной в «малефиц» или «черного Петера» [4].

Он гораздо приветливее со мной, чем Ани и Карли. Но теперь я боюсь, что Вуци к нам никогда больше не придет. Я тайком подслушал, что Карли рассказывала Ани. Оказывается, Карли любит какого-то Конни. Но и Вуци тоже любит. И она сказала Ани, что, наверное, можно любить двоих сразу. Ани на это сказал, что, наверное, можно, но Вуци этого не захочет. Так же, как мама не захотела, чтобы папа любил еще и Вильму. А Карли сказала, что Вуци не обязательно знать, что она любит этого Конни. И Ани обещал ей, что ничего не расскажет Вуци.

Но Вуци все-таки узнал, и виновата в этом мама. На самом-то деле она совсем ни при чем, потому что тоже не знала про Конни. В общем, она сказала Вуци, чтобы он не гулял с Карли каждый вечер, ведь Карли нужно учить уроки и вовремя ложиться спать. Чтобы не получать совсем уж плохих отметок.

Но вечером с Карли был вовсе не Вуци, а Конни! И тут Вуци понял, что у Карли есть еще один друг, и очень огорчился. И ушел домой.

Я позвонил ему сегодня днем. Он обещал, что придет ко мне. Но прозвучало это не по-честному. И голос у него был все еще печальный.

Доктор Цвикледер мне нравится, даже очень, потому что когда он приходит к маме, то всегда мне что-нибудь приносит. И обычно он приходит веселый. Только когда говорит с мамой о магазине, на лбу у него появляются озабоченные морщинки. По мне, так пусть приходит каждый день. Но только днем! А уходить с мамой по вечерам незачем! И целовать ее тоже! А он целует. Я узнал это. Случайно, не нарочно! Однажды ночью я проснулся от хлопка. Это, конечно, хлопнула дверь большой машины Цвикледера. Я встал с кровати и подошел к открытому окну. Мама и Цвикледер стояли около нашего подъезда. И Цвикледер целовал маму. Как в кино! Долго-долго, обняв ее обеими руками. При этом у него с головы слетела шляпа. Но Ани и Карли я ничего не рассказал! Они тоже все держат от меня в строгом секрете. А Цвикледер, само собой, им просто вообще не нравится. Если бы они узнали про поцелуй, то, конечно, стали бы ругать маму.

Со мной недавно произошла потрясающая история! Вот как все было: мама снова ушла с Цвикледером. Поужинать в ресторане. Перед уходом она хотела уложить меня спать, ведь Карли и Ани говорят, что они с этим не справляются. Но это совершенная неправда! Я просто не хочу идти спать раньше, чем они! Карли всегда очень громко включает телевизор, и поэтому я не могу заснуть, у меня вся кровать трясется, когда гангстеры стреляют друг в друга.

И почему я должен прямо сейчас идти спать? Только потому, что мама собралась в ресторан? В общем, я пошел в туалет и сказал, что это надолго. У меня часто бывают запоры, и я могу очень долго просидеть в туалете. Я подумал, что мама не станет столько ждать.

Мама хотела зайти ко мне. И тогда я заперся на задвижку. На дурацкую старую задвижку. Мама правильно говорила, что пользоваться ей нельзя, потому что она сломана. Но я об этом не подумал, я подумал только, что не хочу, чтобы мама волокла меня в постель.

Мама велела Карли отбуксировать меня в кровать, когда я закончу со своими делами, и ушла. Когда за ней хлопнула входная дверь, я решил выйти из туалета. Хотел повернуть эту дурацкую задвижку, а ручка вдруг отвалилась! Я стал орать, и звать Ани и Карли, и колотить в закрытую дверь. Сперва они меня не слышали. Я совсем охрип, когда они наконец пришли. А в маленьком туалете уже не осталось воздуха для дыхания! Теперь все говорят, что это я только вообразил. Но я же не дурак! Я точно помню, что мне было нечем дышать!

Когда я понял, что Ани и Карли не знают, как быть, я заплакал. Испугался, что могу задохнуться в этой вонючей клетушке! Но потом Ани здорово придумал. Он сказал, чтобы я сел на унитаз и подтянул ноги, тогда он не сделает мне больно. А потом ударил по двери и выбил ее нижнюю часть. С сильным треском. Я вылез наружу. Теперь у нас странная дверь в туалет! Если там кто-то сидит, его ноги видны почти до колен. Мама звонила нескольким столярам, но у них нет времени на такие пустяки, как дверь туалета с квадратной дыркой. Один столяр предложил маме купить новую дверь. Мама отказалась. Слишком дорого, сказала она. Ну вот, теперь у нас даже на такое не хватает денег!

Карли нашла гадкое письмо. От Терезы-Шарлотты. Она написала, что мама должна выплатить ей много-много денег, и очень быстро. Иначе она подаст на маму в суд.

Карли сказала мне, что сумма такая, как если бы сложить все мои карманные деньги за четыреста лет! И если на маму подадут в суд, она проиграет, и

наше имущество опишут и отнимут у нас все, вплоть до кроватей и школьных вещей.

Мама думает занять денег у доктора Цвикледера. Карли этим страшно возмущалась. Не при маме, а позже. Из-за этого даже вытащила Ани из его логова.

— Нечего прятаться в этой пещере, когда все идет наперекосяк, — объявила она.

Карли рассказала Ани о письме и о деньгах и что мама будет просить деньги у Цвикледера. Ани это не взволновало.

Но Карли считает, что Цвикледер даст такую сумму, только если он хочет жениться на маме. А хуже этого ничего быть не может! Деньги надо найти где-то еще. Иначе мама действительно выйдет замуж за Цвикледера. Из одной только благодарности или вроде того.

— Я раздобуду деньги! — сказала Карли. А потом сказала, что Ани и я должны пойти вместе с ней, потому что втроем мы сильнее.

Мы поехали к папе на работу. Ани всю дорогу твердил, что ничего не получится, потому что он точно знает: у папы, само собой, просто вообще нет таких денег.

— Тогда пусть возьмет кредит для мамы, — сказала Карли.

Папа очень удивился, когда мы заявили к нему в офис. Карли объяснила ему, зачем мы пришли. Ани оказался прав: у папы нет столько денег! И взять кредит он не может. Потому что не смог бы по нему расплатиться. Он все еще выплачивает кредит, который мама взяла для вязального магазина. И должен платить алименты на нас. А сам он денег, к сожалению, не печатает. Маме вообще не нужно было открывать этот дурацкий магазин! Папа всегда был против. Всегда знал, что там никаких денег не заработаешь! Но это неправда. С тех пор как мама работает в магазине целый день, дела идут гораздо лучше. Карли сказала об этом папе, но он покачал головой и не поверил.

Ани встал и сказал, что уходит, потому что мы только зря теряем время. Карли согласилась с ним и тоже встала. Я бы еще побыл у папы, но Карли схватила меня за руку и стащила со стула. Я даже не успел поцеловать папу на прощанье.

А на обратном пути Карли заставила меня дать клятву, что я не скажу маме о том, как мы ходили к папе. Карли думает, мама рассердится, что мы ходили к нему просить денег.

— У мамы, — сказала она, — есть гордость!

Значит, теперь все-таки придется взять деньги у доктора Цвикледера. Я попробовал представить себе, как все будет, если мама вправду выйдет за него замуж. Может, вовсе и не так ужасно, как считает Карли. Цвикледер рассказал мне однажды, что у него большой дом, с садом. Если мы туда переедем, я смогу играть в саду. А на улице перед домом кататься на роликах. И у Ани будет отдельная комната. Но Цвикледер еще сказал, что у него есть сын. Он уже большой, ровесник Карли. Доктор Цвикледер тоже разведен. Почему его сын живет у него, а не со своей мамой, я не знаю.

Хорошо бы этот сын оказался таким же хорошим, как Вуци. Но большие мальчишки чаще всего не такие. Вуци — это исключение. Сын Цвикледера,

может, как раз ужасно гадкий. А мне ни к чему еще один, который будет все время затыкать мне рот и называть меня чумой.

Но что папа живет вместе с Вильмой – это хорошо. Вильма всегда держит мою сторону против папы. Если он не хочет покупать мне вторую порцию мороженого, ее покупает Вильма.

– Чистое суеверие, что мороженое вредно для детского желудка! – говорит она.

Когда я прошлый раз был в воскресенье у папы и Вильмы, мы ходили в зоопарк. Я вместе с Вильмой смотрел на льва, а рядом с нами стояла какая-то женщина. Она сказала Вильме:

– Ах, какой у вас прелестный сын!

Вильма засмеялась, прижала меня к себе и сказала этой женщине:

– Да, такой замечательный ребенок – это подарок судьбы.

Скоро у меня день рождения! Я почти уверен, что Вильма подарит мне джип с дистанционным управлением, который я ей показывал в магазине игрушек. И доктор Цвикледер тоже наверняка подарит мне что-нибудь хорошее!

* * *

Нам больше не нужны деньги доктора Цвикледера, и мы пили шампанское! Мама, Вильма и я! Карли пить не стала. Один раз, когда мы еще жили в нашем доме, она выпила целую бутылку шампанского. И потом у нее два дня болела голова, и ее тошнило. С тех пор от одного вида такой бутылки Карли бросает в дрожь. Но и она тоже радовалась!

Вильма дала маме все карманные деньги за четыреста лет. Теперь она – мамина компаньонка по вязальному магазину. Эти деньги Вильма унаследовала несколько лет назад от своей престарелой тети. Они лежали на сберегательной книжке. Как вышло, что Вильма стала компаньонкой, Карли, Ани и я точно не знаем. Ани это безразлично, он просто вообще почти все время лежит в своем лоскутном шалаше и читает. А выходит, только чтобы поесть, сходить в туалет или пойти в школу. Мы даже не знаем, согласен ли папа с Вильминым поступком. Это мы еще выясним. А пока мы знаем только то, что нам рассказали, когда мы – Карли и я – пришли вечером в магазин. Мы хотели спросить маму, нужно ли купить еще что-нибудь к ужину. Но в магазине была не мама, а Вильма. Потом пришла мама с бутылкой шампанского и двумя бокалами на подносе. Она принесла все это из кафе. Мне тоже налили чуть-чуть шампанского в стаканчик. Мы чокнулись за «процветание бизнеса» и «плодотворное партнерство». По-моему, просто замечательно, что мама с Вильмой теперь друзья. Теперь я могу сказать и маме тоже, что Вильма мне нравится. Раньше я думал, мама не захочет этого слышать.

И еще кое-что хорошо: теперь я могу видаться с Вильмой и без папы. Папа и Вильма ведь часто ссорятся. И если они успевают поссориться до того, как папа забирает меня из дома, он приезжает один, без нее. Но ему бесполезно говорить, что мне хочется, чтобы Вильма тоже приезжала. Из-за этого он только начинает ужасно сердиться.

Руины

Рассказывает Карли

Мое мнение о Вильме совершенно изменилось. Она действительно замечательная женщина. Вообще-то она никогда и не была мне совсем уж несимпатична. Я только не могла ей простить, что она влюбилась в папу, не считаясь с его семьей. Но совсем уж беспардонной ее назвать нельзя. Иначе она не вложила бы деньги в мамин магазин. Вильма, конечно, лукавит, утверждая, что сделала это из деловых соображений: мол, пусть лучше деньги «поработают», а не прокисают на сберкнижке. Человек с деловой хваткой наверняка бы нашел место получше маминого вязального магазина, чтобы дать деньгам «поработать». Вильма сделала это, чтобы нам помочь! И еще она рассказала мне, что ей пришлось долго и упорно убеждать маму, пока та наконец согласилась взять деньги и признать Вильму компаньонкой. Ведь не так-то легко заключить партнерство с «причиной развода». Конни даже сказал, что это «извращение». Только почему мама должна вечно ненавидеть Вильму? И Вильма, безусловно, права, когда говорит, что папин брак рухнул не из-за нее, он начал разрушаться куда раньше.

Кстати, я подозреваю, что отношения папы с Вильмой тоже не блеск. Наверное, папа просто вообще не годится для длительного гармоничного партнерства. Притом что он ужасно милый! Но вообще-то какое мне до всего этого дело? С кем папа теперь общается или не общается, меня мало волнует, потому что я больше не живу вместе с ним. А вот что касается мамы и Цвикледера, то их отношения беспокоят меня гораздо сильнее. Мама встречается с Цвикледером почти каждый день. Теперь она даже не отговаривается обсуждением налогов. А я совсем не хочу, чтобы этот старый хрыч стал мне вторым отцом! Хотя он уже норовит примерить на себя эту роль и недавно предложил помогать мне по математике!

— Спасибо, — ответила я, — у меня есть репетитор.

А он говорит:

— Но твоя мать платит репетитору большие деньги, мы могли бы их сэкономить.

Да какое ему дело? Чего он вмешивается? И вообще, теперь у меня только одна переэкзаменовка — по математике. Бог знает почему, но англичанка в конце концов все же натянула мне «удовлетворительно». Хотя средний балл по контрольным у меня был близок к нулю! А про устный экзамен лучше и не вспоминать!

Рози утверждает, что этой натяжкой я обязана Вуци. Якобы он перед выставлением годовых оценок пошел к англичанке (он у нее любимец) и замолвил за меня словечко. Якобы поклялся ей все каникулы зубрить со мной английский и нагнать все пропущенное.

Только мне не верится, что Вуци сделал это, ведь он на меня зол и больше со мной не разговаривает. Но с другой стороны, у Вуци все возможно! Он просто такой вот хороший человек. И мне действительно жаль, что я так с ним поступила и все так по-дурацки вышло. Но от любви с первого взгляда никто не застрахован, а нас с Конни любовь поразила, как молния!

Если совсем честно, то меня молния поразила раньше, еще в начале учебного года. Конни тогда перешел к нам из другой школы. Всякий раз, встречая его в коридоре, я чувствовала, будто между ним и мной натягивается резиновый

шнур, который хочет притянуть меня к нему. Только Конни ни разу не посмотрел на меня. Ведь господа из одиннадцатого класса, как правило, нас игнорируют. Но когда мы были на дне рождения у Лилли, удар молнии ощутил и он! Поскольку Вуци на вечеринке не было, я могла без помех наслаждаться искрами, которые проскакивали между мной и Конни.

Я бы с удовольствием продолжала любить Вуци, и это было вполне возможно, потому что у меня большие способности к любви. К тому же Вуци и Конни настолько разные, что я бы не скучала. Но Вуци отказался! Сказал, что не может делить меня ни с кем. Он слишком ревнив для этого. А потом поставил мне ультиматум, очень короткий. Один-единственный день дал мне на размышление. Наверно, я — легкомысленная свинья, но когда я вижу Вуци и Конни, меня однозначно тянет к Конни. Он ужасно милый и как раз мой тип! Всякий раз, как я на него смотрю, сердце у меня так и бьется. А Вуци я знаю уже целую вечность. Может быть, когда-то — в детском саду — мое сердце трепетало при взгляде на него, но теперь уж точно ничего такого не происходит. Если сравнить Вуци и Конни с водой, то Вуци — тихое озеро с камышом, уточками и синими стрекозами. А Конни — водопад! Или морской прибой! Или бурный горный поток, который может преодолеть только ужасно умелый каноист.

Может, я уродилась в папу и не гожусь для длительных отношений...

Во всяком случае, я страшно рада, что начались каникулы. Изо дня в день по пять-шесть часов выдерживать укоризненный взгляд Вуци — это не пустяк.

Да еще вдобавок — кретинские замечания некоторых идиотов из нашего класса! У них просто вообще нет никакого чувства такта, им ничего не стоит громко и бесстыдно осведомиться у Вуци: «Ну что, больше не состоишь в любимчиках у Каролины? Променили тебя на красавчика Конни из одиннадцатого „В“?»

Эти идиоты на каждой перемене сосредоточенно следили, посмотрю ли я на него и как посмотрю, ответит ли он на мой взгляд и как он это сделает. А потом обсуждали между собой, помиримся мы снова или нет. И что во всем виновата одна я, потому что я, бессердечная, перешагиваю через труп Вуци.

Меня очень задело, что на самом-то деле они ни капельки не хотят понять ни меня, ни Вуци. Мы для них только повод посплетничать. В последнюю школьную неделю перед каникулами меня все уже так достало, что я подумала: уж лучше останусь на второй год, не хочу больше учиться в одном классе с этими придурками!

Рози, конечно, к их числу не относилась. Она всегда за меня, в огонь и в воду! И за это я ей особенно благодарна, ведь Вуци ей нравится, а Конни — нет. Но Рози сказала мне:

— Если дружишь по-настоящему, то нужно забыть о своих предубеждениях и видеть все глазами подруги, если речь идет о ее благе!

— Жизнь — это перемены, — часто говорит Вильма. Да я в этом никогда и не сомневалась, только не ожидала, что эти перемены могут происходить так молниеносно и без всяких предостерегающих знаков.

Я пошла с Рози и Конни в летний бассейн. С собой у меня были учебник и тетрадь по математике, потому что завтра мне предстояло сдать репетитору двадцать правильно решенных задач. Он нагружает меня по самое никуда, чтобы отработать свою высокую почасовую оплату. И все время твердит дурацкую поговорку: «Даже то, что человек проспал за десять месяцев,

можно нагнать за шесть недель, если работать целеустремленно и думать позитивно!»

Тактичная Роза заняла отдельный лежак, чтобы не мешать нашей с Конни любви. Но Конни совершенно не собирался со мной ворковать, а хотел наблюдать, как я решаю примеры! Хотя я его об этом вовсе не просила! Совсем даже наоборот. Но Конни это не смутило. Он достал из моего пенала красный фломастер и стал черкать в моей тетрадке, да еще насмешливо приговаривал, что такие примеры решил бы и младенец и что я должна радоваться, что у нас математику преподает Мекник. Видела бы я, какие задачи задает Хабер, их учитель. Гораздо более сложные!

Конни вел себя как самый что ни на есть супер-пупер-учитель. А потом вздумал объяснить мне математику во всех подробностях и завел длинную лекцию. Того сорта, который я просто вообще не понимаю. У меня мозги совершенно не приспособлены к вычислениям. Единственная подходящая для меня метода — просто выучить наизусть все действия в решении задачи. Так же, как учат стихотворение. Даже мой репетитор не против и натаскивает меня именно на это.

Я, само собой, так и сказала Конни, но он продолжал свою лекцию. А когда заметил, что я не хочу и не могу угнаться за его просвещенными мыслями, сказал:

— Какая же ты ленивая! Ужасно ленивая и невнимательная! — А потом еще: — Да что ты из себя дуру-то строишь! Просто невозможно быть такой глупой!

Прямо в самое сердце меня ранил! Никогда бы не подумала, что он может сказать мне такое! Я запихала свое разбросанное по лежаку барахло в сумку и собралась уходить, но Конни меня удержал. Причем не извинением за свое гнусное поведение. Он просто схватил меня за левую ногу. Я никому не позволяю так со мной обращаться и поэтому треснула Конни сумкой по башке. Два раза, если я правильно помню. Тогда он отпустил мою ногу и ударил кулаком по сумке. С такой силой, что выбил ее у меня из рук и она усвистела далеко-далеко. И, конечно, из нее вывалился весь мой хлам. Загорающие на других лежаках, ухмыляясь, глазели, как я собираю свои пожитки. Было ужасно стыдно, потому что из сумки вывалились даже гигиенические тампоны!

Конни смотрел на меня, пока я все это подбирала, а потом очень громко сказал:

— Ну и ненормальная же дамочка!

— Главное, что у тебя все нормально! — прошипела я и удалилась по возможности величественно. Один парень с соседнего лежака побегал за мной и отдал мне два тампона, которые я не заметила, когда собирала вещи, вывалившиеся из сумки.

Собственно говоря, это полное идиотство — краснеть от смущения, когда незнакомый парень сует тебе в руку два тампона. Тампоны ведь самая обычная вещь для совершенно естественного процесса. Но между парнями и девушками самые нормальные вещи нормальными не кажутся. Почему — я не знаю, но с тех самых пор, как у меня начались месячные, эти «женские дела» я обсуждала только с мамой, шепотом. А когда Шустрик однажды нашел в корзине для грязного белья мои испачканные трусики и спросил маму, не поранила ли я попу, мама ничего толком ему не объяснила. А папа, который при этом присутствовал, сделал вид, будто временно оглох и ослеп.

Вообще, когда речь заходит о том, что находится ниже пояса, теория и практика довольно сильно расходятся. Мама с папой утверждают, что у них

нет никаких комплексов по этой части, что они не ханжи и в отношении секса вполне современные люди. Но тогда у меня возникает вопрос: почему за пятнадцать лет я ни разу не видела своего отца полностью раздетым? Он скорее провалится сквозь землю, чем пройдет в моем присутствии через гостиную без штанов и трусов.

А недавно я вечером пришла к папе в гости. Он принимал ванну, и я зашла к нему. Папа сидел в воде без пены и, увидев меня, тут же прикрылся рукой.

Я для забавы уселась на край ванны и подумала: не может же он вечно сидеть в воде, как китайский болванчик!

Я завела с папой любезный разговор. А он так и продолжал сидеть, не меняя позы. Не сжался я над ним и не уйди из ванной, он, наверно, просидел бы так до полуночи!

Но лучше расскажу, что произошло дальше в бассейне. Я убежала к Розе и пожаловалась ей, как мерзко обошелся со мной Конни. Но Розе не считала, что все настолько ужасно. Она сказала, что в последнее время я стала слишком «чувствительной» и если Конни сказал, что я строю из себя дуру, то это значит, что он не считает меня таковой.

Из-за этого я чуть было не поругалась еще и с Розой, но тут к нашему лежаку подошли Вуци и Шустрик. Шустрик держал Вуци за руку. Потому что он любит Вуци. А тот не очень-то умеет защищаться от любви. Шустрик ведь не из тех детей, которые сдерживаются и ничего не говорят о своих желаниях. Он как надоедливая муха. Если Шустрику приспичило пойти купаться, а ни я, ни Ани не берем его с собой, он просто звонит Вуци и ноет, пока тот не уступит.

Но, возможно, сегодня Вуци с такой готовностью поехал с Шустриком в бассейн, потому что хотел снова установить со мной контакт. Как бы то ни было, без Шустрика Вуци, наверно, не смог бы так запросто подойти ко мне. Это Шустрик потянул его к нам. И тут же расселся на нашем лежаке и разложил купальное полотенце.

А Роза сказала:

— Садись к нам, Вуци!

Вуци сел, но на меня даже не взглянул. Шустрик пошел купаться, а Роза отправилась за мороженым. Наверное, не без того, чтобы дать мне и Вуци шанс «поговорить». Есть в ней все-таки что-то от сводни.

Поначалу было донельзя мучительно сидеть вот так рядом с Вуци, потому что он был непроницаемый и безмолвный, как рыба. Потом он сказал:

— Если не хочешь, чтоб я тут сидел, просто скажи!

Больше чем «Ах, Вуци» я ничего не смогла из себя выдавить. Была просто раздавлена. Я обхватила коленки руками и уткнулась в них головой.

— Все так ужасно, — пробормотала я еле слышно. Но Вуци все равно понял.

— А в основном из-за чего? — спросил он.

— В основном из-за всего! — ответила я. А потом спросила, почему он больше на меня не злится, и он ответил, что у него, мол, нет долговременной памяти, да и к чему злиться на того, кого очень любишь. И обнял меня за плечи.

Я прижалась к нему и почувствовала, что мне, в конце концов, все-таки дороже тихое камышовое озеро, чем бурный горный ручей. У которого нет никакого сострадания к ближнему. Что мне до внешней привлекательности и трепетания сердца, если все остальное мне совершенно чуждо?

Я ведь расстроилась не только из-за того, что Конни считает, что я притворяюсь душой! Ему было наплевать на все мои проблемы! Про маму и Цвикледера он сказал только: «Странная вы семья, все у вас не как у людей!» И мои огорчения насчет каникул ему по барабану. Сам-то Конни через две недели поедет с родителями в Грецию. Он с восторгом расписывал мне место, где они будут жить. И серфинг, и катание на паруснике и на водных лыжах. Даже обещал каждую неделю присылать открытку.

А когда я сказала, что у нас в этом году, наверное, совсем не будет отпуска, потому что у мамы нет денег, он только улыбнулся: «Such is life, sugarbaby!» [5] Но теперь смятение чувств наконец-то позади! И я могу только пожелать: пусть все, что произошло, послужит мне уроком!

Я пошла с Вуци прогуляться, и мы купили в кафе большую порцию мороженого. А выходя, увидели Лилли, девочку из нашего класса. Она нетерпеливо посматривала на людей, которые толкались у стойки с мороженым, и стонала:

— Когда же наконец дойдет очередь до моего мальчугана?

(Нам было ясно, что под «мальчуганом» Лилли имеет в виду свое последнее увлечение. Лилли расходует по «мальчугану» в месяц, но для нее это нормально. У нее непробиваемое душевное спокойствие. Когда отношения с очередным «мальчуганом» заканчиваются, она совершенно не переживает.)

Я поинтересовалась у Лилли, кто из стоящих у стойки — ее новое увлечение. Она показала на высокого, довольно хилого мальчишку и сообщила нам, что познакомилась с ним в приемной зубного врача и что его внутренние достоинства далеко превосходят внешние. Потом она еще сказала, что ей пора домой укладывать чемоданы, потому что завтра спозаранку она улетает с родителями на Коста-Брава, где отдыхает масса немцев. Тут подошел «мальчуган», победно неся добытые в битве у стойки два вафельных рожка с мороженым. Лилли спросила меня, куда я еду на каникулах. Я ответила, что, наверно, вообще никуда, есть только маленький шанс поехать куда-нибудь на две недели с папой и его подругой. (Я, конечно, не сказала, что шанс минимальный, потому что Вильма поссорилась с папой и папа теперь вроде как снова живет по-холостяцки. Но одноклассников такие вещи не касаются.) Лилли засмеялась, лизнула мороженое и, указывая на «мальчугана», сказала:

— Как у Цвици, его отец хочет взять с собой в отпуск свою новую подругу!

«Мальчуган» так рассердился на Лилли за ее слова, что мороженое вывалилось у него из рожка.

— Если мне захочется рассказать про мою семью, — возмущенно сказал он, — я сам это сделаю!

И отправился обратно к стойке раздобыть еще мороженого. Лилли, которая никогда не была скрытной, не приняла выговор этого Цвици близко к сердцу и не замедлила рассказать нам, что Цвици — редкий экземпляр, потому что с младенческого возраста живет вдвоем с отцом. Отец, сказала она, хорошо справляется с материнской ролью, но супружеские узы не для него. Ему вполне достаточно общаться с женским полом три раза в неделю по три часа! Только во время отпуска он хочет постоянно иметь рядом какую-нибудь женщину. Потому что в отпуске не нужно ходить на работу, и ему быстро становится скучно. Но, сказала Лилли, с теми дамами, которых он берет с

собой в отпуск, он тоже не в силах общаться круглые сутки. Дома у Цвици Лилли смотрела альбомы с отпускными фотографиями.

— Каждое лето все те же двое, папашка с сыном, а женщины все время разные! Умереть не встать! — сказала она и тут же умолкла, потому что вернулся Цвици с новой порцией мороженого.

Вуци сказал ему:

— Цвици звучит, как кличка волнистого попугая!

На что Цвици ответил:

— Это все из-за моей фамилии. Меня зовут Цвикледер. Звучит исключительно глупо!

Услышав это, я, если верить Вуци, совершенно обалдела. А по словам Розы, выглядела как пыльным мешком ушибленная! Но ведь такую новость нужно сначала переварить! То неделями, замирая от ужаса, носишься с мыслями о будущем отчине, мучаешься во сне кошмарами, представляя, как старый хрыч (вообще-то он не такой уж и старый) тайно пролезет в нашу family, — а потом вдруг, совершенно случайно, стоя перед кафе-мороженым, узнаешь, что опасности никакой и не было, что я полностью заблуждалась, а господин налоговый консультант всего-навсего рассчитывал видиться с госпожой Поппельбауэр три раза в неделю по три часа!

Ну а с кем мама проводит эти девять часов в неделю — это воистину ее личное дело, меня все это совершенно не касается, и я больше ни секунды не стану из-за этого переживать!

Едва лишь мне показалось, что мои проблемы сократились до разумных пределов, а именно до осенней переезда, и жизнь представилась более-менее сносной, как на следующий день снова обрушились неприятности, потому что я, к сожалению, не единственный ребенок в семье, а очастливлена наличием двух братьев! А ведь началось все, можно сказать, оптимистично. В то утро за завтраком мама была совершенно счастлива. Потому что мой любимый братец Ани вылез из своего лоскутного домика, позавтракал с нами, оделся по-человечески и выразил намерение пойти погулять!

С тех пор как Ани живет, забившись в свое логово, мама очень беспокоится о его психике. Ведь действительно ненормально, когда человек живет, как крот в норе. И вдобавок это нездорово. Никакого свежего воздуха и сплошной искусственный свет! Пока не закончился учебный год, Ани хотя бы в первой половине дня волей-неволей покидал свою дурацкую халупу, но теперь, на каникулах, он выходит из нее только в туалет или поесть. Даже телевизор не хочет смотреть!

И наша мама — такая уж она есть — испытывает из-за этого чувство вины. «Если бы я лучше работала и зарабатывала больше денег, — сказала она мне, — мы бы сняли квартиру попросторнее, и у Ани была бы собственная комната, и ему никогда бы не пришла в голову эта безумная идея!» А однажды она сказала: «Если бы я не развелась, мы жили бы в нашем доме и Ани не стал бы таким странным!»

Я не собираюсь никого упрекать, но мама как-то не замечает, что и у меня есть «психика». И у Шустрика тоже. Она принимает близко к сердцу только душевное состояние Ани. Так было всегда! Он ее любимый ребенок! Хотя она это и отрицает. Когда она спрашивает, что нам приготовить, и каждый из троих хочет разное, она наверняка приготовит то, что заказал Ани. Когда

мы болели и у нас у всех была температура 37,8, она вела себя так, как будто болел один Ани.

А перед его «мощным интеллектом» она, само собой, просто вообще преклоняется! Он же ее маленький гений! И когда сегодня утром этот маленький гений, по-видимому, смог добровольно обойтись без того, что он называет своей «второй кожей», мама была на седьмом небе!

— С ним все будет в порядке, — шепнула она мне с сияющими глазами. — Он справится со своими проблемами!

Как я справляюсь с моими проблемами, маме почти что все равно. Тонкое различие здесь в том, что у Ани проблемы есть, а я создаю маме! Во всяком случае, из-за моих трудностей мама наверняка бы не стала предпринимать таких усилий, как из-за проблем с «логовом», которые возникли вот как.

Наш крот, стало быть, куда-то отправился. Ясное дело, что выманить его из «второй кожи» могло только объявление в газете. В разделе «Разное» Ани прочитал, что кто-то распродает имущество, в том числе массу книг. И тому, кто сам их заберет, эти книги достанутся бесплатно. Ну, ради книг мой братец сделает что угодно!

А я поехала вместе с Вуци на пляж Старый Дунай. Мама немного рассердилась на меня, потому что я не взяла с собой Шустрика. Но почему всегда я должна изображать из себя няньку? Ани тоже мог бы взять брата с собой посмотреть книжки! Но мама ни за что бы не решилась даже заикнуться об этом. Поэтому она решила до открытия магазина отвезти Шустрика к Бабушке. Мама как раз искала для Шустрика брючный ремень, потому что без ремня штаны с него съезжают. И тут в комнате мальчиков что-то очень громко затрещало и загрохотало. Мама побежала туда. Ее взгляду открылась катастрофа! Логово Ани совершенно развалилось, а на его обломках сидел ошарашенный Шустрик.

Клоп играл в футбол, и мяч приземлился на крышу хижины. Шустрик полез его доставать, но такой нагрузки это сооружение не выдержало. Шустрик не ушибся, но ужасно рыдал и говорил, что Ани убьет его, когда вернется домой. И что мама должна все отремонтировать.

Поскольку речь шла о душевном спокойствии ее любимца, мама, конечно, сейчас же прониклась этой мыслью. Написала объявление и принялась за сортировку обломков пещеры. Шустрик сбегал в магазин и прилепил объявление на дверь. Он хотел позвонить папе на работу, чтобы позвать его на помощь. Но от волнения не мог вспомнить папин телефон и поэтому позвонил Вильме. Ее номер был записан у мамы в телефонной книге. Шустрик попросил Вильму сообщить папе о случившемся. Вильма обещала это сделать.

Между тем наверху в квартире мама сообразила, что вдвоем с Шустриком ей хижину не восстановить. Поэтому она позвонила своему дорогому Цвикледеру. Тот, правда, не хотел уходить с работы, потому что ему надо было составить важное и срочное письмо, но мама объяснила ему, что предотвратить братоубийство гораздо важнее, чем написать какое-то дурацкое письмо.

А Вильма позвонила папе, но его на месте не оказалось. Секретарша притворилась, будто не знает, где он. Вильма оставила для папы сообщение: «Жилище отшельника сломалось, необходима срочная помощь». Потом она сказала у себя на работе, что, наверно, съела что-то несвежее и что ее тошнит, и поспешила маме на подмогу.

Папина секретарша все-таки знала, где он, только не хотела говорить Вильме! Папа играл в теннис. Скорее всего, со своим новым увлечением. Секретарша позвонила папе на корт, он прекратил матч и поехал к нам.

Я, само собой, не имела просто вообще ни малейшего представления о том, что творится дома. Довольная и счастливая, я плескалась вместе с Вуци в Старом Дунае. Цвицви тоже был там и кадрил Рози.

Рози его не отвергала, хоть я и намекнула ей: когда Лилли вернется из Испании, начнутся трудности. Очень жаль, что меня не было дома, когда папа, мама, Вильма и Цвикледер собрались в комнате Ани и Шустрика, чтобы восстановить из обломков дурацкую хижину! Атмосфера там наверняка была наэлектризованная. Прежде всего папа угодил в пикантную ситуацию. Ведь не каждый день приходится вместе с экс-женой, почти уже экс-подругой и другом экс-жены заниматься строительными работами. Да еще такими, в которых ты, по собственному признанию, распоследний неумеха.

Поначалу никто из четверых не мог придумать, как взяться за дело, и все были страшно раздосадованы. И тут доктору Цвикледеру пришла в голову суперидея! Он сказал, что Ани построил себе это дурацкое логово вместо собственной комнаты. А комната мальчиков достаточно большая, и ее можно разделить перегородкой на две части. И в ней два окна, так что в каждой части будет достаточно света. И он, доктор Цвикледер, считает, что лучше бы соорудить какую-нибудь перегородку, чем возиться с идиотской хижинкой.

Предложение было принято единогласно. Сразу на двух машинах – папы и Цвикледера – сборная команда понеслась к ближайшему магазину строительных товаров. Шустрик потом рассказал мне, что доктор Цвикледер принял управление всей операцией на себя! И папа подчинился, потому что у него ведь обе руки левые, а у Цвикледера руки прямо-таки золотые.

Я в это время все еще была на пляже. Но мы уже собирались уходить, потому что приближалась гроза. С громом и молниями на фиолетовом горизонте. В кабинке для переодевания я посмотрела в ежедневнике, когда у меня следующее занятие по математике, и увидела, что сегодняшняя дата обведена красным карандашом! Меня бросило в жар, и я вспомнила: сегодня день рождения Ани! А я стою тут, и у меня нет никакого подарка! И денег тоже!

У Вуци я денег одолжить не могла. У него их просто вообще никогда нет. Рози сама, без всякой просьбы, предложила мне займы сотню. Но сотня оказалась не нужна, потому что Цвицви подарил мне для Ани шариковую ручку. Совершенно новенькую. Настоящую роскошную вещь для какого-нибудь генерального директора. Шариковых ручек, по словам Цвицви, у них дома до фига. Отец регулярно получает их к Рождеству и Новому году от фирм и клиентов. Ручка выглядела ужасно ценной, и сначала я не хотела ее брать. Но Цвицви сказал, подмигнув:

– Да ведь она, можно сказать, практически останется в нашей семье!

Цвицви действительно очень милый мальчик, и про его неброскую внешность быстро забываешь, когда познакомишься с ним поближе. Интересно только, что будет делать Лилли, когда на следующей неделе вернется из Испании. На каникулах она, само собой, подцепит себе «каникулярного мальчугана», но ведь этот мальчуган наверняка будет не из наших мест, и Лилли так или иначе придется с ним расстаться. Кроме того, Лилли не любит, когда у нее что-то отнимают, и уж тем более ей не понравится, если это сделает Рози, с которой она вообще не в очень хороших отношениях.

А Рози сказала мне:

– Если она будет тянуть ручки к Цвици, то полетят клочки по закоулочкам! У нее, конечно, более давние права на него, но это не считается, потому что я его по-настоящему люблю!

В общем, из-за непогоды я, Вуци, Рози и Цвици ушли с пляжа и направились к остановке трамвая. Едва мы до нее дошли, как хлынул настоящий ливень, и мы вымокли до нитки, потому что навес от дождя был совсем маленький и под него уже набилась масса народу. Рози хотела пригласить нас к себе домой и устроить спонтанный праздник, но я как сознательная сестра отказалась от приглашения. Нельзя игнорировать день рождения брата! И деньрожденный торт тоже! Кроме того, я беспокоилась (и не зря), почему утром мама ничего не сказала о дне рождения Ани. Раньше я, само собой, просто вообще не могла себе представить, чтобы мама забыла про день рождения одного из своих детей. Но за последнее время я научилась представлять себе самые разные вещи! (После мама оправдывалась тем, что забыла про день рождения из-за шока от рухнувшей норы. Но это неправда. Ведь утром, когда хижина была еще цела, мама вела себя так, словно в этот день единственным достойным вниманием событием было то, что ее обожаемый Ани вылез из своей «второй кожи».)

Пока мы с Вуци ехали домой в битком набитом трамвае, придавленные влажными человеческими телами, мой любимый братец, распрощавшись с продавцом книг, тоже направлялся обратно к дому. Этот продавец, должно быть, большой чудак. Многочисленные книги достались ему от покойной тетки. Она хотела, чтобы эти книги получил человек, который их ценит и любит. Но сам племянник чувствовал, что не отвечает этому требованию. Через объявления в газетах он искал настоящего любителя книг и решил, что из тех, кто к нему обращался, больше всех подходит мой братец. Ани страстно желал заполучить эти книжные сокровища. Только вот племянник-книголюб хотел избавиться от книг немедленно. А их было так много, что Ани никак не смог бы перевезти их домой на трамвае. Даже если бы ездил туда и обратно четыре раза. Книг-то добрых два кубометра! И в любом случае за один день не управиться, потому что теткина квартира находится у черта на рогах, на самой окраине города.

Ани позвонил папе на работу, чтобы тот забрал его и книги на машине. Но папы, разумеется, на месте не было. Ани позвонил маме в магазин, чтобы она заехала за ним на квартиру тетки хотя бы после закрытия магазина. Но мамы, естественно, тоже не было. Ани даже Вильме позвонил. Ясное дело, с тем же результатом! Наконец племянник-книголюб изъявил готовность отвезти книги к нам на своем старом фургоне. Но как раз когда он снизошел до этого, начался дождь. Брезентовый тент фургона был весь в дырах, и книги наверняка бы намокли. А пленки, чтобы упаковать их, не нашлось. Ани с книголюбом стали ждать, когда же дождь наконец прекратится. Но он и не думал прекращаться. И небо выглядело так, будто в ближайшее время дождю конца-края не будет.

Книголюб решил, что Ани лучше поехать домой, и пообещал, что привезет книги завтра, потому что ему все равно нужно будет в центр.

Ани потом сказал мне, что ему ужасно не хотелось расставаться с книжными сокровищами. Он бы с удовольствием остался возле них на всю ночь. Но тогда наша мама наверняка побежала бы в полицию заявлять о пропаже ребенка. Поэтому Ани отправился на трамвае в далекий обратный путь. А добравшись до дома, уже на лестнице услышал, как где-то долбят и стучат. Но он и представить себе не мог, что весь этот шум доносится из нашей квартиры. Открыв входную дверь, Ани тут же споткнулся о разбросанные по полу обрезки досок и инструменты. С трудом пробрался к своей и Шустриковой комнате – и увидел маму. Она прибавала доску к остову

перегородки. Потом Ани увидел папу с Цвикледером, которые прилаживали новую дверную раму, и Вильму, которая замазывала гипсом щели. Кругом валялся строительный мусор высотой по колено, а Шустрик носился туда-сюда, ужасно важный и гордый, подавая инструменты и разнося пиво, потому что у столяров-любителей то и дело возникала сильная жажда.

Сразу после Ани пришли и мы с Вуци. По лицу моего дорогого братца можно было сразу догадаться, что он в радостном шоке. Ани любит изображать из себя спокойного, хладнокровного человека, но то, что делали для него четверо взрослых, настолько его тронуло, что ни о каком хладнокровии не могло быть и речи.

Ани сидел на укрытой пленкой куче постельных принадлежностей и Шустрикова хлама, и вид у него был такой, будто он заглянул в рай! Потом он вскочил, издал ликующий вопль и стал прыгать на этой куче, как мячик. Это надо было видеть – мой брат Ани прыгает, как резиновый мячик! И кричит:

– У меня будет своя комната! У меня будет своя комната!

Я понятия не имела, что хижина обрушилась, и подумала, что все это – заранее запланированное поздравление для Ани, про которое мне никто ничего не сказал. Я даже немножко обиделась и почувствовала себя исключенной из общего дела. Конечно, я не очень-то люблю работать руками, но для счастья собственного брата могла бы и пошевелить своими нежными пальчиками! Поэтому я несколько рассержено спросила, когда же будет ужин.

– Ужин сегодня отменяется, – сказала мама.

– И даже торта нет? – спросила я.

– Почему именно торта? – осведомился папа, но едва он сказал это, до него дошло. И до мамы тоже!

– Черт, – сказал папа.

– Черт, – сказала мама и выронила молоток.

Ани был настолько счастлив, предвкушая гигантски увеличенную вторую кожу, что даже не обиделся за несостоявшееся праздничное пиршество. Если бы последнее слово было за ним, мы бы строгаи и пилили до следующего утра, лишь бы поскорее закончить разделение комнаты. Но папа и Цвикль (с недавних пор я зову его так) настояли пойти куда-нибудь поужинать. Потому что они проголодались и потому что дни рождения полагается праздновать! Оба решили, что не станут принимать душ и переодеваться, а то еще, чего доброго, умрут голодной смертью!

В общем, прямо так, как были, – Ани, Вуци и я в мокрой от дождя одежде, с которой капала вода, остальные все в опилках и гипсовой пыли – мы пошли в ресторан на углу. На этом настояли папа и Цвикль. Потому что этот ресторан очень хороший. Мама и я сначала не хотели туда идти, потому что это все-таки настоящий аристократический ресторан.

– В таком виде, – сказала мама, – нас пустят разве что в сосисочную в Пратере! [6] Но папа, Вильма и Цвикль только посмеялись над ее словами.

Наверное, официанты в ресторане на углу ни за что бы не пустили нас за столик, но Цвикледера они хорошо знают. Он там часто бывает и всегда щедро дает на чай. Все официанты и посетители пялились на нас большими глазами. Такой «компании каменщиков» тут, конечно, никогда еще не бывало. У Цвикля вдруг засвербило в носу из-за опилочной пыли, а когда он полез в карман брюк за носовым платком, оттуда посыпались разнокалиберные гвозди,

шурпы и гайки. Они тут же раскатились по безупречно натертому паркету. Мне было ужасно неловко! А потом еще Шустрик, как всегда, опрокинул стакан с яблочным соком! Я пошла в туалет и услышала из кабинки, как вошли две дамы из-за соседнего столика. Одна из них сказала:

– Что за странная компания сидит рядом с нами! Им здесь совершенно не место! Кто они такие?

– Понятия не имею, – ответила другая. – Во всяком случае, вид у них просто оскорбительный!

Да-а, наверно, мы действительно являем собой странное зрелище! Даже когда мы не мокрые и не обсыпанные опилками. Вполне возможно, что наш вид неприятен другим людям. И не только посторонним неприятен, но и друг другу. Однако сейчас я считаю, что мы все ужасно милые и симпатичные. Правда, не исключено, что на следующей неделе мне снова придется на время изменить свое мнение. Но я думаю, самое главное вот в чем: если пойдет дождь, нас не оставят в одиночестве, нам принесут зонт. В этом я абсолютно уверена после того, как понаблюдала за постройкой новой «хижины». А если у нас больший выбор зонтов, чем у других детей, – так это не самое страшное!

Я спросила у Ани и Шустрика, разделяют ли они мою точку зрения. Оба брата согласны со мной – целиком и полностью!

* * *

notes

Примечания

1. В Австрии так обращаются к людям, имеющим ученую степень, – здесь и далее примечания переводчика.
2. Шустрик перепутал слова «гармония» и «гармониум» (который также называют фисгармонией).
3. Первая часть этого изречения принадлежит Гёте, вторая – Бабушке.
4. Популярные в Австрии игры. «Малефиц» – настольная с кубиком и фишками, «черный Петер» – карточная.
5. «Такова жизнь, моя сладкая!» – англ.
6. Пратер – знаменитый парк в Вене протяженностью более 5 км.

